

Е.Н. Кондрат

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФИНАНСОВАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ**

ЮСТИЦ **ИНФОРМ**

Елена Кондрат

**Международная финансовая
безопасность в условиях
глобализации. Основные
направления правоохранительного
сотрудничества государств**

«Юстицинформ»

2015

Кондрат Е. Н.

Международная финансовая безопасность в условиях глобализации. Основные направления правоохранительного сотрудничества государств / Е. Н. Кондрат — «Юстицинформ», 2015

ISBN 978-5-7205-1241-5

В монографии рассматриваются теоретические проблемы глобализации и ее влияние на международную финансовую безопасность, исследуется международное сотрудничество в правоохранительной сфере, изучается деятельность международных институтов, работающих в сфере международной финансовой безопасности. Для научных и практических работников в сфере международного финансового права и мировой экономики, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами мировой финансовой безопасности. В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-7205-1241-5

© Кондрат Е. Н., 2015
© Юстицинформ, 2015

Содержание

Введение	6
Раздел 1. Мировая финансовая система в XXI веке	10
Глава 1. Глобализация как основная тенденция современного развития мира	10
§ 1. Понятие глобализации: сущность и основные процессы	10
§ 2. Проблемы управляемости глобализацией: теоретические подходы	21
Определение глобального управления	27
Позиции основных теоретических школ по отношению к глобальному управлению	28
Уровни наднационального управления	35
Предложения ООН по глобальному регулированию	35
Сессия Тысячелетия: новый взгляд на глобальное сотрудничество	36
§ 3. Тенденции развития транснациональных корпораций в условиях глобализации	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Е. Н. Кондрат
Международная финансовая безопасность
в условиях глобализации. Основные
направления правоохранительного
сотрудничества государств

© Кондрат Е.Н., 2015

©ООО «Юстицинформ», 2015

Введение

Одной из ключевых проблем современного мира является обеспечение международной финансовой безопасности. Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. выявил особую остроту и актуальность данной проблемы, ее первостепенное влияние на процесс мирового развития. Поэтому как теоретический анализ международной финансовой безопасности, так и прикладное исследование сотрудничества правоохранительных органов разных стран для ее обеспечения представляются крайне востребованными и целесообразными.

Несомненно, что функционирование мирового финансового рынка в последнее время претерпело качественные и очень серьезные изменения. В первую очередь это связано с процессом глобализации, становящейся основной тенденцией развития современного мира. Вызываемая глобализацией транспарентность государственных границ, приобретение финансовым и фондовым рынками выраженного трансграничного характера определяют современное состояние проблемы финансовой безопасности. Практически любой ее аспект сегодня получает международное измерение. Вот почему анализ только внутригосударственных аспектов регулирования финансовой безопасности будет неполным без анализа международной практики в этой сфере.

5—6 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча глав государств и правительств стран «Группы двадцати». Саммит стал кульминацией председательства Российской Федерации и ознаменовал собой пятилетие G20 на уровне лидеров. В мероприятии также приняли участие главы государств и правительств приглашенных стран и руководители международных организаций.

В течение двух дней напряженной работы основное внимание участников саммита было уделено вопросам обеспечения экономического роста и финансовой стабильности, создания рабочих мест и борьбы с безработицей, стимулирования инвестиций, а также укрепления многосторонней торговли, содействия международному развитию и противодействия коррупции¹.

В документах Петербургского Саммита содержится оценка экономической ситуации и отчет о ходе выполнения обязательств, который описывает прогресс в реализации ранее принятых обязательств и определяет пробелы в текущем плане реформ. В документах Петербургского Саммита отмечается, что в настоящее время в странах с развитой экономикой сохраняется необходимость достижения более быстрого и устойчивого восстановления экономики при одновременном поддержании бюджетной устойчивости. Все развитые страны, разработали заслуживающие доверие, учитывающие страновую специфику среднесрочные фискальные стратегии. Данные стратегии будут реализовываться гибко, с учетом текущей экономической ситуации, так, чтобы обеспечить поддержку экономического роста и снижение безработицы при стабилизации отношения государственного долга к ВВП и для укрепления бюджетной устойчивости².

Признавая важную роль эффективной сети финансовой безопасности, лидеры G-20 еще в Лос-Кабосе приветствовали обязательства со стороны значительного числа стран по увеличению временных ресурсов, находящихся в распоряжении МВФ, на сумму более чем 461 млрд долл. США. На Петербургском Саммите G-20 было отмечено, что большая часть обещанных ресурсов предоставлена в распоряжении МВФ посредством заключения двусторонних кредитных договоров или договоров о покупке ценных бумаг. Эти совместные усилия демонстрируют нацеленность международного сообщества повысить роль МВФ в вопросе предотвращения

¹ URL: <http://ru.g20russia.ru/news/20130916/783287122.html>

² Россия G-20. Санкт-Петербургский план действий. URL: <http://ru.g20russia.ru/documents/>

и урегулирования кризисов, и таким образом будут способствовать сохранению глобальной финансовой стабильности.

В Петербурге лидеры G-20 согласились также в том, что региональные финансовые механизмы (РФМ) могут играть важную роль в существующей сети глобальной финансовой безопасности. Они подтвердили общие принципы сотрудничества между МВФ и РФМ, которые были приняты G-20 в Каннах, и подчеркнули важность взаимодействия, при этом сохраняя мандат и независимость соответствующих институтов.

Важным средством достижения большей устойчивости государственных финансов является укрепление существующих практик управления государственным долгом. Лидеры G-20 в Петербурге отметили работу МВФ и Группы Всемирного Банка по обзору и обновлению «Руководства по управлению государственным долгом» с учетом накопленного опыта на данный момент³.

Настоящая монография – очередной этап исследовательской работы автора в сфере изучения названных проблем. Она продолжает тематику предыдущей книги автора «Финансовая безопасность России в современном мире. Теоретико-методологические аспекты», посвященной концептуальным подходам к осмыслению проблематики финансовой безопасности и регулированию указанной темы в правовой системе РФ. В данной же работе внимание автора концентрируется главным образом на международных аспектах финансовой безопасности.

Как уже было отмечено, в условиях глобализации и растущей взаимозависимости в мире такой подход представляется оправданным и необходимым. Во-первых, российская нормотворческая и правоприменительная практика в данной сфере тесно связана с международной, и такие ключевые аспекты финансовой безопасности, как борьба с «бегством капитала», противодействие финансированию терроризма и оргпреступности, не могут быть рассмотрены изолированно только для России, с отрывом от общемировой практики. Во-вторых, создание основного российского государственного органа по регулированию финансовой безопасности в начале 2000-х гг. – Росфинмониторинга – послужило нашим ответом на пожелания международного сообщества в данной сфере (по линии FATF (Financial Action Task Force, Специальная комиссия по проблемам отмывания денег), Группы «Эгмонт» и проч.). Поэтому главной целью настоящей работы является анализ международного сотрудничества в сфере финансовой безопасности в эпоху глобализации.

В 1990-е и начале 2000-х гг. появилось значительное количество публикаций по вопросам мировой финансовой системы как в России, так и за рубежом. В этой связи хотелось бы отметить труды отечественных ученых: А. В. Аникина, М. Ю. Алексеева, М. Г. Делягина, И. Долгова, В. Л. Иноземцева, Э. Г. Кочетова, Л. Н. Красавиной, В. В. Кузнецова, Д. М. Михайлова, В. Т. Мусатова, М. А. Портного, Б. Б. Рубцова, В. М. Усопкина, Г. П. Черникова, а также исследования западных экономистов: М. Голдстейна, Д. Гэлбрейта, Э. Долана, Г. Камински, Д. Кэмпбелла, П. Кругмана, М. Миллера, Р. Мертона, Ф. Мишкина, Рейнхарта, К. Рогофа, М. Сарната, Д. Сороса, Д. Тобина, М. Фельдстейна, Фишера, Д. Штиглица, П. Хирста, Б. Эйченгринна. Вопросам глобализации и изучению ее наиболее ярких форм проявления на глобальном финансовом рынке уделяется все больше внимания в исследованиях международных организаций – МВФ, МБРР, ОЭСР, Банка международных расчетов.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что глобальный финансовый рынок выделяется в самостоятельную область исследовательской и практической деятельности.

Теоретические основы исследования экономических отношений между финансовым и реальным секторами были заложены в работах Дж. М. Кейнса, Х. Мински, Дж. Тобина.

³ Россия G-20. Санкт-Петербургская декларация лидеров «Группы двадцати». Сентябрь 2013 г. URL: <http://ru.g20russia.ru/news/20130906/782776168.html>

Дж. М. Кейнс считал, что нестабильность является важнейшим внутренним свойством рыночного хозяйства и именно в деньгах и финансовых рынках наиболее ярко воплощена основная черта, присущая и всем прочим институтам капитализма: являясь инструментом, призванным обеспечивать порядок, они зачастую порождают хаос.

Одни ученые полагали, что финансовый сектор выступает важной детерминантой экономического роста, а наблюдающийся в последнее время рост масштабов финансовых рынков приводит к повышению эффективности экономики (А. Галетовик, Дж. Оливиера, Дж. Гурли, Э. Шоу, М. Бинсвангер и др.). Противоположного мнения, что современная динамика финансового сектора и его отрыв от реального сектора в целом носит негативный характер, придерживались экономисты Дж. Стиглиц, Х. Гессе и Б. Брааш, М. Гейне и Х. Херр, Х. Титмейер, полагающие это временным феноменом, а также С. Стрендж, Х. Мински, В. Чик, Б. Эмундс, К. Цинн, Э. Альт-фатер, Р. Гутман, считающие это непосредственным следствием самой логики развития рыночной экономики.

Проблемы взаимодействия финансового и реального секторов рассмотрены в работах таких отечественных авторов, как Е. Ф. Авдокушин, Е. А. Бакланова, Г. Н. Белоглазова, И. Ю. Беляева, Ш. М. Валитов, В. Э. Евдокимова, Е. А. Исаева, В. А. Кононенко, И. Г. Левина, Ю. М. Осипов, А. А. Пороховский, П. Ю. Полухин, Т. Р. Сафина, Е. В. Рыбин, В. В. Рязанов, М. А. Эскиндаров и др.

В научно-экономической литературе широко исследованы также различные аспекты теории и методологии международного финансового менеджмента. Они нашли отражение в работах отечественных и зарубежных экономистов, ученых и специалистов-практиков: В. Д. Адрианова, А. Н. Буренина, В. А. Галанова, М. В. Ершова, Е. А. Звоновой, Л. Н. Красавиной, А. О. Мамедова, Д. М. Михайлова, С. Е. Пивоварова, И. Н. Платоновой, М. В. Портнова, Б. Б. Рубцова, В. А. Слепова, А. А. Суэтина, Л. С. Тарасевича, В. С. Торкановского, Е. Бриксэма, С. Валдеза, Дж. Кейнса, П. Кругмана, Д. Мадур, Ф. Модильяни, Д. Стиглица, С. Фишера, Дж. К. Ван Хорна, Дж. Хослера, А. Шапиро и др. В данных работах отражены основы формирования и развития мирового финансового рынка, анализируется система управления финансами ТНК.

Однако в большинстве работ остаются без внимания проблемы нарастания глобальных дисбалансов на мировом финансовом рынке, критерии выбора методов и инструментов его регулирования, причины и механизмы распространения глобальных финансовых кризисов, разработка рекомендаций по стабилизации мирового финансового рынка, адаптация механизма управления финансами ТНК к кризисным условиям, а также параметры применимости существующих методов и инструментов международного финансового менеджмента в новых реалиях. Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис еще не в полной мере исследован. Он впервые носит глобальный характер и требует новых подходов к организации управления международными финансами. Очевидна и необходимость дальнейшего исследования этих проблем.

Наличие ряда фундаментальных научных работ, посвященных развитию взаимосвязей финансового и реального секторов экономики, не исключает необходимость дальнейшего исследования политико-экономических проблем развития финансового рынка. Так как анализ тенденций глобального финансового рынка является отправной точкой для изучения механизма возникновения и распространения финансовых кризисов в мировой экономике в начале XXI в., на эту тему появляется все больше исследований⁴. Тем более что жизнь требует систем-

⁴ См.: *Смирнов Е. Е.* Изменение законодательной базы финансовой сферы в условиях кризиса // *Банковский ритейл*. № 4. IV квартал 2008 г.; *Хоменко Е. Г.* Поддержание стабильности банковской системы России в условиях кризиса // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. № 1; *Коваленко Г. Н.* Стратегии выживания и развития кредитных организаций в условиях кризиса // *Регламентация банковских операций. Документы и комментарии*. № 3. Май – июнь 2009 г.; *Косаренко Н. Н.* Правовое обеспечение публичных интересов в сфере страхования. М.: Волтерс Клувер, 2010 и др.

ного взгляда не только на возникновение, но и на пути преодоления финансово-экономического кризиса, а также обстоятельного анализа других угроз международной финансовой безопасности. Таких исследований в нашей науке еще явно недостаточно.

Раздел 1. Мировая финансовая система в XXI веке

Глава 1. Глобализация как основная тенденция современного развития мира

§ 1. Понятие глобализации: сущность и основные процессы

Объективным процессом развития мира в последние десятилетия является глобализация. Происходит формирование новой системы общественно-экономических отношений, при которых происходит значительное углубление политических, социально-экономических и культурных связей различных государств. В экономическом аспекте глобализация обозначает процесс формирования единой мировой экономики, единого всепланетарного рынка товаров, капитала и услуг⁵. Россия как одна из ведущих держав мира использует предоставленные глобализацией возможности для укрепления своих позиций в мировой экономике и политике.

В 80—90-х гг. XX в. проблема глобализации стала активно обсуждаться не только в научной, но и в политической и деловой среде. Темой для обсуждения становились такие вопросы, как многополярность и однополярность мировой системы, экономическая взаимозависимость стран мира, культурное разнообразие и перспективы развития современной цивилизации. Глобализации уделяют значительное внимание юристы, экономисты, политологи, социологи, философы. Они констатируют серьезные изменения, происходящие в экономической системе, обществе и государстве в результате глобализации.

Ввиду сложного и многогранного характера глобализации не существует единого и устраивающего всех ученых ее определения. Одним из наиболее часто используемых является определение глобализации, данное французским исследователем Б. Бади. Он рассматривает глобализацию как исторический процесс, направленный на гомогенизацию и универсализацию мира, на размывание национальных границ⁶. Отечественными учеными В. М. Кулагиным, М. М. Лебедевой и А. Ю. Мельвилем глобализация понимается как новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости человечества, создание наднациональных и вненациональных организаций, институтов и образований⁷.

Глобализация мировой экономики исследуется учеными разных школ и направлений. Особый интерес вызывают проблемы развития национальных хозяйств отдельных стран в условиях мировых глобализационных процессов, а также проблемы, связанные с оценкой противоречивого характера воздействия глобализации на функционирование экономических систем. Тенденции глобализации переплетаются, создавая в каждой стране уникальное сочетание внешних и внутренних факторов, определяющих ее дальнейшее развитие и положение в мировом хозяйстве. Диапазон этих сочетаний – от полной зависимости периферийных стран до наднациональных, гиперконкурентных экономических систем. Таким образом, вопросы воздействия глобализации на экономическое развитие являются приоритетными для большинства государств.

⁵ См.: Мосей Г. Процессы глобализации и регионализации в мировой экономике // Экономист. 2002. № 9; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004; Глобализация: многостороннее измерение. М., 2004.

⁶ См.: Badie B. Un monde sans souverainete. P., 1999. P. 12.

⁷ См.: Кулагин В. М., Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. Глобализация и развитие человека // Глобализация: человеческое измерение / под ред. А. В. Торкунова. М., 2002. С. 11.

В научной литературе теоретическая трактовка глобализации в общем виде сегодня сводится к следующим направлениям:

- *неолиберальная* концепция (З. Бжезинский, Дж. Сорос и др.), в соответствии с которой глобализация трактуется с позиций новой эпохи в истории человечества, основанной на либерально-демократических ценностях Запада и однополярного мира⁸;

- *транснационалистская* концепция (Дж. Най, Р. Кохен), представители которой ратуют за уменьшение роли государства и размывание национальной идентичности в эпоху глобализации⁹;

- *реалистская* концепция (К. Уолц и др.) – глобализация признается не новым скачком в истории человечества, а его определенным эволюционным этапом. Представители этой концепции придерживаются точки зрения, согласно которой национальному государству уделяется решающее внимание в отстаивании своих международных политических и экономических интересов¹⁰;

- *гуманистическая* концепция. Она исходит из концепции глобальных проблем и определения центральной проблемы – проблемы человека, оказавшегося в потоке глобальных планетарных процессов, и освещается вопрос о допустимых пределах всех видов изменений на Земле – экологических, экономических, политических и др.¹¹;

- *неомарксистская* концепция, в которой глобализация предстает в качестве высшей стадии капитализма, в форме сверхимпериализма, порождающего поляризацию мира и ведущего к его переделу¹².

Несмотря на разницу подходов и оценок, можно выделить несколько общих моментов, с которыми в той или иной степени солидаризируются различные школы в отношении современного процесса глобализации:

- универсализация мирового пространства под эгидой западных либерально-демократических и социокультурных ценностей;

- формирование единого планетарного сообщества, завязанного на росте взаимозависимости стран и регионов мира в различных сферах человеческой жизнедеятельности;

- слияние экономик в общемировую финансово-экономическую систему с единым рынком и общими правилами экономических взаимоотношений, всеобщая либерализация рыночных отношений при свободном и мгновенном движении капиталов. Международные экономические связи становятся основой существования всех составных частей мирового хозяйства: национальных хозяйств, их основных экономических комплексов, и отдельных субъектов хозяйствования на территории национальных экономик. Их тесные экономические связи и взаимозависимость свидетельствуют о том, что ни одна национальная экономика не может развиваться эффективно без активного участия в мирохозяйственных процессах;

- ослабление функций государства и одновременно возрастание роли и сфер влияния надгосударственных организаций и транснациональных корпораций (ТНК);

- создание всемирной информационной сети на базе новейших медиатехнологий и Интернета; «сжатие» времени и пространства при помощи современных коммуникационных средств. Глубинный смысл происходящих изменений состоит в том, что нарастает интенсификация обменов всех видов – от транспорта до инструментов трансляции слов, образов, симво-

⁸ См.: Сорос Дж. О глобализации. М., 2002; Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

⁹ См.: Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence: world politics in transition. Boston, 1977.

¹⁰ См.: Waltz K. International Politics is not Foreign Policy // Security Studies. 1996. № 2.

¹¹ См.: Кравченко И. И. Будущее мира и российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005; Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2009.

¹² См.: Спиридонова В. И. Глобализация и национальное государство // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005.

лов, информации. Они получают название «потоков глобализации» (транспортных, экономических, финансовых);

- знания превращаются в базовый элемент общественного богатства. Принципиально меняется роль человеческого капитала и его интеллектуальной составляющей. Постиндустриальная эпоха все отчетливее проявляет свой инновационный характер, меняющий системную ориентацию экономики.

Глобализация – процесс чрезвычайно противоречивый и неравномерный. В ходе своего развития она привела к немалым негативным последствиям:

- растет разрыв между бедными и богатыми странами. Более 1 млрд человек живет в «абсолютной бедности». Если в 1960 г. разница между бедными и богатыми странами составляла 30:1, в 1990 г. – 60:1, то в 1997 г. – 74:1. Огромное число людей страдает от голода и болезней, не имеет возможности получить образование. Ситуация обостряется продолжающимся ростом численности населения и усилением миграционных процессов;

- одно из характерных противоречий глобализации – противоречие между глобализацией и регионализацией. Оно отчетливо проявляется в сфере экономики: наряду с развитием мирохозяйственных связей набирают силу региональные структуры. Наиболее показателен в этом отношении Европейский союз, ставший важнейшим центром экономической мощи, успешно продвигавший по пути интеграции в политической, финансовой, торговой, таможенной, визовой и других областях до определенного момента и находящийся сейчас в глубоком кризисе из-за финансовых проблем большинства входящих в него стран. В основе ЕС лежит принцип субсидиарности, согласно которому властные полномочия национальных государств делегируются на тот институциональный уровень – надгосударственный либо субгосударственный (региональный, муниципальный), на котором конкретная общественная потребность удовлетворяется наилучшим образом;

- регионализация позволяет полнее учитывать особенности тех или иных территорий, способствует сохранению национальных рынков и этнокультурного своеобразия. Сложное переплетение глобальных и местных, локальных процессов общественного развития получило название глокализация (от *global* — всемирный и *local* – локальный, местный). Глобализация воспринимается как нечто внешнее, подавляющее все локальное; глокализация – как конкретное проявление на местном уровне;

- глобализация меняет смысл современного государства, которое сегодня раздирается между двумя противоречивыми задачами: сохранить пространство, за которое оно несет ответственность, и не мешать движению товаров, услуг, финансов, перемещению людей и т. д. Глобализация ставит под вопрос суверенитет государства. Видоизменяются главные функции государства, и прежде всего функция безопасности¹³;

- революционное развитие информационной среды способствовало, с одной стороны, трансформации мира, единению человечества, с другой – его диверсификации, поскольку плодами глобализации пользуются главным образом жители развитых стран. Слаборазвитые же страны не в состоянии не только создавать новые технологии, но и использовать уже имеющиеся научно-технические достижения. Это ведет к «утечке мозгов» из бедных стран в богатые и, как следствие, еще большему отставанию бедных стран от богатых;

- воздействие глобализации на функционирование экономических систем воскрешает старые и порождает новые общественные, экономические противоречия и политические международные конфликты. Вместе с переделами собственности происходит обострение международной конкуренции не только в производственной сфере за обладание материальными ресурсами, но и за обладание финансовыми, инвестиционными, информационными ресур-

¹³ См.: Спиридонова В. И. Глобализация и национальное государство // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 20–25.

сами. Борьба за капиталопотоки в мировом хозяйстве становится глобальной и выступает как одна из объективных составляющих процесса глобализации.

Субъектами глобализации являются:

1) транснациональные компании (ТНК), которые существенно влияют на политику государств, поскольку их экономические и финансовые возможности часто соизмеримы или превосходят государственные; часто ТНК являются еще и монополистами в сфере технологий, в том числе и военных¹⁴;

2) транснациональные банки (ТНБ), которые содействуют созданию глобального финансового рынка, либерализации системы внешних заимствований. Основные тенденции в развитии глобальной финансовой системы сегодня проявляются в: ослаблении протекционизма внутри единой системы денежного обращения и экспансионистских проявлений во внешнеэкономических отношениях между странами; нарастании открытости и унификации денежного обращения национальных хозяйств; усилении неустойчивости мирового денежного обращения; укрупнении финансовых институтов и распространении сфер их деятельности практически на все основные регионы мира; ускорении процесса денежного обращения и синхронизации экономических циклов денежного обращения в разных странах; интернационализации и транснационализации финансовых рынков и т. д.

Среди форм воздействия ТНБ на финансовые системы выделяют: создание глобального финансового рынка, ведущим сектором и главным механизмом которого становится фондовый рынок; либерализацию системы внешних заимствований; возникновение параллельных национальному центральному банку мировых эмиссионных центров, ликвидация монополии центральных банков и министерств финансов на формирование денежно-кредитной политики;

3) международные межправительственные организации и институты. В условиях глобализации экономическая власть все больше сосредоточивается у «глобальных игроков», в которые превращаются транснациональные структуры – крупнейшие ТНК, а также международные финансовые центры. Экономический и политический климат формируют международные экономические организации (Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ)), которые превратились в институт многосторонних межгосударственных отношений.

Формы воздействия международных межправительственных организаций и институтов на мировую экономику видятся в следующем:

- унификация государственных норм, стандартов, правил, налогов, пошлин, ведения и учета бизнеса и торговли;
 - управление трансграничным движением капиталов, разработка рекомендаций по валютной, кредитно-финансовой и инвестиционной политике;
 - упорядочение и глобальное регулирование правил и норм международной торговли;
 - обеспечение максимальной совместимости национальных торгово-политических режимов;
 - формирование механизмов согласования экономической стратегии государств;
- 4) различные неправительственные организации.

Объектами глобализации являются различные элементы национальных государственных экономических систем, которые в силу своих особенностей с разной скоростью и степенью интенсивности вовлекаются в процессы глобализации: информационная, финансовая, экономическая, культурная сферы – быстрее; производственная, правовая, политическая – медленнее.

¹⁴ Подробнее о роли ТНК см.: *Афонцев С. А.* Транснациональные компании в мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. М., 2008. С. 234–253.

Функционирование глобальных рынков ограничивает автономию национальных государств при разработке и проведении ими экономической политики. Вместе с тем в эпоху глобализации государство по-прежнему должно определять важнейшие параметры рынка, устанавливать ориентиры для деятельности отдельных предпринимателей. Оно формирует общее экономическое и юридическое пространство, скрепляет национальное единство, устанавливает ограничители общественно опасной деятельности, обеспечивает распределение и использование ресурсов, систему хозяйственной мотивации, стимулы к повышению эффективности, производительности и т. п.

Однако в условиях глобализации отмечается изменение хозяйственных функций государства, сокращение прямых форм его участия в экономической деятельности, расширение партнерских отношений с частным сектором в производстве общественных благ и оказании общественных услуг через контрактную систему. Роль государства не просто уменьшается, трансформируются приоритеты и механизмы его вмешательства в социально-экономические процессы.

Поскольку глобализация пронизывает все больше сфер жизнедеятельности человека, все более значимым становится вопрос о ее институционализации, о формировании системы глобального регулирования, наделенной соответствующим объемом полномочий и легитимности. Это глобальное регулирование может осуществляться в различных формах. Основными из них являются глобальное сотрудничество, при котором решающую роль в проведении согласованной общемировой политики будут играть существующие суверенные государства, и глобальное управление, при котором наднациональные международные организации были бы автономны в процессе принятия решений.

С ростом осознания в мире сложностей глобализации связано выдвижение на международных форумах идеи «глобализации с человеческим лицом», т. е. социально ориентированной и учитывающей приоритеты «устойчивого развития». Звучат призывы к достижению «солидарной» глобализации в противовес «асимметричной». В рамках ООН, Европейского союза (ЕС) и иных влиятельных международных организаций все больше внимания уделяется концепции повышения «социальной ответственности корпораций».

В 2002 г. на базе Международной организации труда (МОТ) в Женеве была учреждена Всемирная комиссия по социальному измерению глобализации. Она рассмотрела широкий комплекс проблем, оказала содействие в проведении международного и национальных диалогов по социальным аспектам глобализации (в России «запуск» такого диалога состоялся в октябре 2002 г.). В 2004 г. Комиссия подготовила итоговый доклад «Справедливая глобализация: создавая возможности для всех».

Таким образом, глобализация мировой экономики – процесс увеличивающейся взаимозависимости экономик различных стран мира вследствие роста трансграничных перемещений товаров и услуг, экспорта капиталов, интенсивного обмена информацией и технологиями, миграции рабочей силы. По сути глобализация является логическим выражением растущей интернационализации хозяйственной жизни. «Современный этап глобализации представляет собой процесс формирования единого мирового экономического, финансового, информационного и гуманитарного пространства, – отмечает член-корреспондент РАН С. Ю. Глазьев, – обуславливающий снижение роли государственных барьеров на пути движения информации, капиталов, товаров и услуг и возрастание роли наднациональных институтов регулирования экономики»¹⁵.

На сегодняшний день только 10–15 % населения Земли проживают в условиях постиндустриального общества. Значительная же масса населения планеты живет в обществах,

¹⁵ Глазьев С. Ю. Место России в меняющихся взаимоотношениях центра и периферии мировой экономики // Глобализация и Россия. Материалы круглого стола. М., 2001. С. 48.

находящихся на доиндустриальных стадиях экономического развития, где все еще широко распространены ремесленничество, примитивное сельскохозяйственное производство, охота и рыболовство. Процветающие 20 % стран используют 75 % производимых в мире обработанных металлов, 85 % мировой древесины, 70 % энергии¹⁶.

Глобализация позволяет ведущим странам не только поддерживать «статус-кво» на мировой арене, но и в еще большей степени осуществлять перераспределение ресурсов и готовых продуктов в свою пользу. В значительной степени этому способствует деятельность транснациональных корпораций, «материнские» страны которых представляют собой наиболее развитые государства. Последние доминируют на рынке капиталов, устанавливают правила игры в рамках международной банковской системы, контролируют глобальные коммуникации, занимают лидирующие позиции в технологической области. Менее развитым странам не остается ничего иного, как следовать в фарватере таких государств и служить для них дешевыми источниками сырья и трудовых ресурсов.

Анализ основных тенденций процесса экономической глобализации, характерных для последних десятилетий, позволяет сделать следующие выводы.

1. Углубление международного разделения труда. Многие развивающиеся страны сегодня становятся поставщиками рабочей силы для стран, уже вступивших на постиндустриальный путь развития. Особенности процесса миграции рабочей силы на современном этапе заключаются в следующем:

- процессам миграции подвержен в первую очередь высококвалифицированный труд, в результате чего формируется глобальный рынок высококвалифицированной рабочей силы. Неквалифицированный труд также, хотя он более ограничен национальными барьерами, начинает вписываться в общие процессы глобализации;

- глобальный рынок высококвалифицированной рабочей силы характеризуется динамичным характером роста, возрастающей интенсивностью движения трудовых потоков, высокой взаимозаменяемостью, положительным воздействием на демографические процессы во многих развитых странах мира и в целом на индекс человеческого развития;

- регулирование глобализацией процесса миграции рабочей силы имеет противоречивый характер. С одной стороны, интенсификация производства требует все новых притоков мигрантов в экономику высокоразвитых стран. С другой стороны, огромный поток мигрантов со своей культурой, менталитетом, религией, низким (по сравнению с традиционным населением) уровнем жизни и т. д. уже сегодня создает определенные проблемы социально-политического и экономического характера.

2. Усиление темпов экономического развития наиболее развитых государств «третьего мира». «Примерно два десятка лет тому назад, – пишет американский экономист индийского происхождения Дж. Бхагвати, – они переориентировались на внешние рынки, что привело к повышению темпов их экономического роста. . . В Китае активная внешнеэкономическая политика была начата в 1978 г. В 1980-е годы Индия также приоткрыла свою некогда изолированную экономику, а, начиная с 1990-х стала делать это систематически и целеустремленно. По оценкам ВБ, в течение двух десятилетий до 2000 г. ВВП в Китае рос в среднем на 10 %, а в Индии – на 6 процентов. Ни одна страна мира в этот период времени не являла таких темпов роста, как Китай, и менее чем в десяти странах (из которых лишь Китай мог сравниться с Индией по размаху нищеты и численности населения) показатели роста превосходили индийские»¹⁷. Названные страны и сегодня (по крайней мере, до начала глобального кризиса в 2008–2009 гг.) демонстрировали одни из самых высоких в мире темпы экономического роста.

¹⁶ См.: Мартин Г. Л. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 53.

¹⁷ Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М., 2005. С. 88.

3. Превышение темпов роста международного товарооборота над темпами роста объема мирового производства. Растущая либерализация международной торговли выражается в открытии национальных рынков товаров и услуг путем постепенного снятия торговых ограничений и барьеров, а также в противодействии протекционистским мерам в международной торговле.

4. Опережающий рост движения капиталов по отношению к движению товаров. Формирование мирового финансового рынка. Суммарная капитализация компаний, включенных в листинги крупнейших бирж США и Европейского союза – Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Франкфурта, Милана, Амстердама, Цюриха, Стокгольма и Мадрида, – по состоянию на 2007 г. превышала 30 трлн долл.

5. Увеличение потоков портфельных и прямых иностранных инвестиций, львиная доля которых связана с инновационным инвестированием, основанным на все расширяющемся процессе превращения науки в главную производительную силу современного общества с далеко идущими последствиями для всех сторон его жизни. Дж. Сакс свидетельствует, что США раньше других стран уяснили себе, что сила американской экономики порождается сочетанием науки, технологических инноваций и высококачественного образования: а) в стране была усилена государственная поддержка науки, расходы на которую выросли до 85 млрд долл. в год; б) правительство поощряло развитие и распространение Интернета как «краеугольной основы экономического роста»; в) в США были разработаны специальные программы в поддержку высшей школы, реализация которых повысила в 1990-е гг. на 10 % число выпускников средней школы, поступающих в вуз (этот показатель увеличился до 67 %) ¹⁸.

6. Усиление влияния транснациональных корпораций, контролирующих в настоящее время до половины мирового промышленного производства и международной торговли, около 80 % мирового банка патентов и лицензий на новую технику и «ноу-хау». Транснациональный (наднациональный) сектор экономики связывает все «этажи» экономического здания планеты современными средствами коммуникаций, передовыми управленческими системами, информационными технологиями, общими принципами и правилами экономической игры и т. д. Вместе с тем усиление роли внегосударственных и надгосударственных регуляторов мировой экономики позволяет некоторым специалистам трактовать сохраняющееся множество отдельных страновых хозяйственных механизмов и потребность в единой мировой экономике как основное противоречие современной эпохи. «Противоречие между усиливающейся потребностью мира в единой экономике и господством национально-государственной формы хозяйствования, – утверждает В. В. Михеев, – представляет собой основное противоречие современной эпохи – эпохи глобализации» ¹⁹.

7. Повышение глобальной регулирующей роли международных экономических и финансовых организаций (ВТО, МВФ, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др.). Уже сейчас под их эгидой проводится разработка универсальных норм, стандартов и правил для мирохозяйственного общения.

8. Развитие интеграционных тенденций на региональном, субрегиональном и межрегиональном уровнях. Возрастание роли наднациональных органов в международной политике и экономике на региональном уровне.

9. Относительное замедление темпов потребления энергии начиная с последней трети прошлого века по сравнению с темпами роста ВВП. Ведется постоянный поиск новых источников сырья и энергии, внедряются энерго- и ресурсосберегающие технологии. Вызвано это в первую очередь быстрой исчерпаемостью природных ресурсов, что становится одной из гло-

¹⁸ См.: Сакс Дж. Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки? // Независимая газета. 2000. 18 авг.

¹⁹ Михеев В. Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. Осень 1999. Т. 4. № 4. С. 52.

бальных угроз человечеству. В таких условиях сотрудничество наций в условиях глобальной экономики представляется одним из способов уменьшить нагрузку на экосистему.

10. Определяющее влияние глобализации на международную финансовую безопасность в мире. Прозрачность границ и формирование единого глобального финансового рынка способствуют не только позитивным, но и негативным, теневым, а то и криминальным тенденциям в сфере международного финансового взаимодействия. В связи с этим выработка необходимых правовых и институциональных механизмов по укреплению международной финансовой безопасности представляется в условиях глобализации первоочередной насущной задачей.

Современная постиндустриальная хозяйственная система базируется на производстве и потреблении знаний. Буквально на наших глазах все большую динамику приобретают постиндустриальные тенденции: происходит быстрая интеллектуализация труда; информация и научное знание становятся определяющими факторами экономического развития. Существенную роль в экономиках развитых стран начинает играть сектор услуг (в его широком понимании), увеличивается производство программных продуктов и телекоммуникационных услуг, характер труда подвергается качественным изменениям. Главным фактором устойчивого развития общества становится величина и качество человеческого капитала. Происходит смена типа воспроизводства, форм накопления и изменение критериев развития экономики. Все большее влияние на развитие общества начинает оказывать увеличение расходов государства на накопление человеческого капитала, нематериальных элементов богатства, интеллектуальной собственности. В этом заложено основное содержание нового качества экономического роста, которое должно найти отражение в стратегических разработках национальной экономики в целом, ее отраслей и подотраслей.

Особо следует выделить ключевую роль в современном мире высоких технологий, таких, например, как нано- и информационно-компьютерные. О стремительности развития сектора экономики, связанного с производством компьютеров, образно свидетельствует следующий пассаж, содержащийся в одном из отчетов Всемирного банка: «Если бы авиационная промышленность развивалась так же стремительно, как компьютерная с середины 60-х годов, то к середине 80-х годов «Боинг-767» стоил бы 500 долларов и мог бы облететь земной шар за 20 минут, потребляя всего 20 литров горючего»²⁰.

Действительно, за последнюю четверть века обрабатывающая мощь компьютеров росла экспоненциально – в среднем на 58–60 % в год. А лидером сферы услуг все последние годы остается Интернет. Число его пользователей увеличилось с 3 млн в 1993 г. до почти 300 млн в начале 2000 г. и до 1,2 млрд в 2008 г.²¹

Эти факты наряду с постоянно отмечаемой «глобализацией» информационных потоков вызывает нарастающее обособление западных стран от остального мира. «Формирование единого рынка, единой коммуникационной среды, информатизация общества, – пишет Е. В. Сапир, – все эти процессы реально охватывают одну пятую населения земного шара. Остальные четыре пятых живут в совершенно ином мире, не знающем Интернета, хитроумных финансовых построений, новейших технологий, западных стандартов и стиля жизни, причем разрыв между ними и «золотым миллиардом» не сокращается, а, напротив, быстро увеличивается. Одна пятая часть жителей планеты сегодня потребляют 86 % совокупного мирового продукта, в то время как на долю беднейших 20 % приходится не более 1,5 % мирового продукта»²².

²⁰ Цит. по: Мельяцев В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭиМО. 2001. № 12. С. 5.

²¹ Михеев А. Н. Информационно-коммуникационные технологии: глобальные проблемы и/или глобальные возможности? // Современные глобальные проблемы мировой политики. С. 139–159.

²² Сапир Е. В. Экономическая глобализация и стратегия России // Безопасность Евразии. М., 2001. С. 740.

Развитие постиндустриального хозяйства переориентировало торговые и инвестиционные потоки, ранее направлявшиеся в «третий мир», на наиболее высокоразвитые государства. Результатом становится реальное «замыкание» западного мира в себе самом. Как следствие, быстро растущие объемы товарных потоков концентрируются в границах постиндустриального мира. Общий объем прямых иностранных инвестиций в XXI в. вырос более чем в 30 раз, но большая часть мировых инвестиционных ресурсов сосредоточена в развитых странах. Это вынуждало развивающиеся государства сокращать внутреннее потребление ради накопления материальных ресурсов, необходимых для приобретения новых технологий. При этом развивающиеся страны обменивали на новые технологии либо свои невозпроизводимые природные ресурсы, либо товары, созданные трудом тысяч людей. Западные страны, поставляя технологии и наукоемкую продукцию, не снижают количества ресурсов, остающихся в его распоряжении. Обмен наукоемкой и технологичной продукции на продукты труда и энергоресурсы – вот что, по мнению исследователей проблем глобализации, лежит в основе раскола современной цивилизации, который ясно обозначился в XXI в.

На современном этапе Россия оказалась довольно глубоко втянутой в мировое хозяйство, является страной с достаточно открытой экономикой, что определяется высокой степенью зависимости ее экономики от внешних связей. Но до сих пор вопрос о вовлечении России в глобализационные процессы остается дискуссионным. На разных полюсах общественной и научной мысли можно встретить диаметрально противоположные подходы.

1. Одни утверждают, что процесс глобализации мировой экономики объективен и имеет положительные стороны, в том числе и для России²³. Глобализация облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, стимулирует экономический рост, способствует ускорению и увеличению масштабов обмена передовыми достижениями человечества в экономической, научно-технической и интеллектуальной сферах, что, безусловно, содействует прогрессу всех стран мира. Исследование факторов развития глобализации позволяет, считают сторонники данной точки зрения, сделать вывод, что глобализация является закономерным элементом эволюции общества, она связана не просто с высоким уровнем развития технологии и техники, материального производства, науки и вооружений, а с качественно новыми тенденциями и направлениями развития мировой экономики. На основе прогресса международного обобществления производства и капитала, формирования технологических и экономически целостных производственных цепочек формируется качественно новая ступень международного разделения труда, превращающая мировую экономику в целостный глобальный организм, спаянный уже не просто международным разделением труда, но и гигантскими по своим масштабам, порой всемирными производственно-сбытовыми структурами, глобальной финансовой системой и планетарной информационной сетью. Если России удастся встроиться в этот механизм, она только выиграет.

2. Другие выступают против политики глобализации, ее примата так называемых «общечеловеческих ценностей» над прочими национальными культурными ценностями. Известно, что во Всеобщей декларации прав человека, принятой под эгидой ООН в 1948 г., возобладали универсалистская точка зрения, утверждающая единство прав человека для представителей всех обществ независимо от их традиций и истории. «Эти права представляют собой постулаты, сформулированные европейской культурой, – они приводят к этноцентризму, к идее превосходства западной культуры над остальными. Поэтому глобалистские и националистические концепции, в конечном счете, смыкаются»²⁴. Современные исследователи идеологии гло-

²³ Кулагин В. М. Лицо глобализации: впечатления и факты // Современные глобальные проблемы мировой политики. С. 195–216.

²⁴ Некрасов В. С. Толерантность и поликультурализм как императив образования взрослых в постиндустриальном обществе // Толерантность в культуре, этнических и межконфессиональных отношениях: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Курган, 2003. С. 188.

бализма все больше склоняются к точке зрения, согласно которой «общечеловеческие ценности» нельзя понимать только как универсалии культуры. «Само признание различий должно выступать общечеловеческой ценностью. Вне учета таких объективных реалий современного мира, как уникальная национальная культура, социокультурное, этническое, конфессиональное многообразие, любая международная и национальная политика неизбежно становится бесперспективной и катастрофичной»²⁵.

По мнению А. И. Уткина, «важно отметить заинтересованность в глобализации, прежде всего, лидеров мировой экономической эффективности – тридцати государств – членов ОЭСР, в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов и в наиболее технически изощренном производстве. Они обладают возможностью вмешательства в практически любой точке земного шара, контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные технологические разработки, определяют процесс технического образования»²⁶.

Под воздействием глобализации, считают скептики, формируется экономическая зависимость России. По многим показателям Россия достигла критических отметок (или приближается к ним), позволяющих характеризовать ее экономику как опасно зависимую, находящуюся за чертой экономической, технологической и продовольственной безопасности. С точки зрения замдиректора Института Европы РАН В. Федорова, во многих государствах внешнеэкономические связи служат незаменимым фактором материального прогресса²⁷. В их число входят как богатые природными ресурсами страны (например, Саудовская Аравия), так и обделенные, но преуспевающие за счет экспорта сложных товаров (Германия или Япония). Однако и в первых, и во вторых экспорт тесно связан с импортом: «сырьевики» закупают продукцию машиностроения, «производственники» – сырье. Ощутимые перебои в экспортно-импортных поставках в течение всего нескольких недель или месяцев означали бы для многих стран крах национальной экономики. Такова оказалась бы «расплата» за их успешное участие в международном разделении труда. Отсюда же проистекают заинтересованность ведущих мировых держав в сохранении контроля над международной торговлей и их опасения в возможности силового перекрытия морских торговых путей, нестабильности политических режимов в странах – поставщиках сырья. Иными словами, цель такова: использовать потребности мирового рынка в своих товарах, чтобы обеспечить конкурентоспособное развитие внутренних производительных сил.

Россия и здесь уникальна. Она обладает несметными природными богатствами, вывозит их за границу и тем самым живет, обслуживая свои повседневные нужды. Но она не предпринимает больших усилий с целью переплавить доходы от своего недрового экспорта в высокотехнологичные производства, которые в будущем взяли бы на себя роль экспортирующих подразделений. Происходит не интеграция нашего хозяйства в мировую экономику на взаимовыгодной основе, а приспособление его к чужим потребностям. Современная система взаимодействия с мировым рынком ущербна для России, несмотря на то, что исходные предпосылки более благоприятны для нее.

По мнению В. Федорова, мир больше заинтересован в России как торговом партнере, чем она в нем. И вот вместо того, чтобы в основу своих действий положить эту истину и дозировать наш вывоз невозобновляемых ресурсов за границу при одновременном форсировании отраслей, требующих приложения ума и рук, мы становимся добровольными помощниками других

²⁵ Шихардин Н. В. Глобализация нетерпимости и ее альтернативы. С. 233–234.

²⁶ Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2005. С. 42–43.

²⁷ См.: Федоров В. Глобализация как фактор отставания России // Независимая газета. 2006. 5 мая.

стран в их собственном развитии²⁸. Благодаря глобализации они компенсируют свои геополитические недостатки, в то время как Россия утрачивает свои сравнительные преимущества. Конечно, глобализация – объективный процесс, и его не остановить. Но он благоприятствует сильным. Силу же, в том числе и военную, обеспечивает странам собственное инновационное производство, а не опустошение подземных кладовых. Таким образом, интенсификация процесса глобализации имеет для России негативные последствия.

Противники глобализации ставят под сомнение главный тезис сторонников либеральной экономики, отстаивающих всемогущество «невидимой руки» рынка, которая, по мнению А. Смита, и являлась «волшебной палочкой» капиталистической экономики²⁹. Для них очевидно, что рынок как саморегулирующийся механизм отнюдь не является универсальным способом решения всех проблем современного мира. «Самое дурное в глобализации, – пишет по этому поводу отечественный социолог В. Ядов, – это формирование такой экономической системы, в которой господствуют неконтролируемые силы, непонятные финансовые корпорации, и государство утрачивает способность гарантировать человеку устойчивое существование»³⁰. Рынок более приспособлен для реакции на краткосрочные и с известной натяжкой – на среднесрочные сигналы и импульсы, но мало что может, когда речь идет о долгосрочных целях. Рыночная конкуренция рассчитана на быструю и постоянную отдачу в виде прибыли, в связи с чем показатели рыночного успеха могут вводить в заблуждение, если применять их к стратегического масштаба интересам и целям. Выбор соответствующих приоритетов в неизбежном международном экономическом сотрудничестве должен удерживаться под контролем государств, за которыми нужно оставить право корректировать правила глобальной конкуренции на внутреннем рынке в интересах своих граждан и деловых кругов. «Методы такой коррекции хорошо известны, – считает С. Ю. Глазьев. – Это национальный контроль над природными ресурсами и ключевыми отраслями экономики; защита внутреннего рынка и интересов отечественных товаропроизводителей на рынке внешнем; ограничение иностранных инвестиций в жизненно важных для реализации национальных интересов сферах; предотвращение финансовых спекуляций; проведение активной политики стимулирования научно-технического прогресса и инвестиционной активности; государственная монополия на контроль за денежной системой и управление эмиссионным доходом; эффективный валютный контроль. Это, наконец, выраживание предприятий – национальных лидеров, конкурентоспособных на мировом рынке и выполняющих роль «локомотивов» экономического роста»³¹.

Из конкретных проблем, определяющих ближайшие перспективы экономической глобализации, особенно на фоне современного экономического кризиса, ключевой представляется преодоление неустойчивости сформировавшейся валютно-финансовой системы, которая наряду с несомненными выгодами для инвесторов и реципиентов породила чрезвычайно деструктивную разновидность валютно-финансовых кризисов, связанных с чрезмерным развитием финансовых спекуляций, предоставлением недостаточно обеспеченных кредитов, политикой искусственно поддерживаемых высоких курсов национальных валют и нереально высоких процентных ставок, все возрастающими рынками вторичных ценных бумаг – деривативов и т. д.

Оценивая ситуацию на планете в целом, В. В. Путин отметил: «Мир меняется. Идущие в нем процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера. В условиях мировых экономических и прочих потрясений всегда есть соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Не случайно

²⁸ См.: Федоров В. Глобализация как фактор отставания России // Независимая газета. 2006. 5 мая.

²⁹ См.: Один мир для всех. М., 1990.

³⁰ Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол // МЭиМО. 1999. № 5. С. 41.

³¹ Глазьев С. Ю. Указ. соч. С. 54.

уже сегодня раздаются голоса, что, мол, скоро «объективно» встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения. Вот таких даже гипотетических возможностей в отношении России быть не должно. Это значит – мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью³².

Учитывая вышесказанное, представляется, что важнейшим приоритетом экономической политики России должно стать создание экономики, открытой для международного сотрудничества и самодостаточной в той мере, в какой это необходимо для обеспечения экономической безопасности страны. Составляющими системы экономического суверенитета России являются: технологическая конкурентоспособность и новая экспортная стратегия, достижение которых возможно на основе структурно-технологической перестройки национальной экономики и перехода к радикально-инновационному типу расширенного воспроизводства, развития внутренней интеграции и внутреннего рынка, на основе создания ядра вертикально интегрированных корпораций, оптимизации отраслевой структуры национальной экономики.

§ 2. Проблемы управляемости глобализацией: теоретические подходы

Как уже отмечалось выше, одной из важных задач мирового сообщества является выработка эффективных и взаимоприемлемых механизмов по управлению процессом глобализации, предотвращение ее стихийного характера. Как указывается в специально подготовленном к 50-летию ООН докладе «Наше глобальное соседство» Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству, «не существует альтернативы совместной работе и использованию коллективного могущества, в интересах создания лучшего мира»³³. Свою приверженность работе по поиску ответов на вызовы, стоящие перед народами, подтвердили и мировые лидеры в заключительной Декларации Саммита тысячелетия ООН в 2000 г.: «Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии»³⁴. Это является подтверждением признания на высшем уровне серьезности стоящих перед нами проблем и свидетельством качественного сдвига в мировосприятии, ведущего к осознанию необходимости управления процессами глобализации.

С исторической точки зрения мысль об объединении всего человечества на той или иной основе, служащая идеологической основой концепции глобального управления, прослеживается со времени зарождения мировых религий³⁵. В XX в. завершение мировых войн сопровождалось обсуждением необходимости принятия совместных решений и создания соответствующих им органов, служащих цели поддержания стабильности и послевоенного мироустройства. Но в целом можно констатировать: собственно мирового правительства или какого-либо иного института, способного на систематической основе контролировать национальные государства, не сложилось. Тем не менее поиск концептуального обновления путей и средств достижения субъектами мировой политики своих интересов в таких основных сферах, как экономика и развитие, позволяет говорить о продолжающемся интересе к данной теме.

Процессы глобализации и технологическая революция заложили основу для формирования такой целостной мировой системы, при которой вырисовываются контуры единого глобального мировосприятия, качественно изменяется сама концепция управления в экономи-

³² *Путин В. В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2013. 20 февраля.

³³ *Our Global Neighbourhood: Report of the Commission on Global Governance.* N.Y., 1995. P. 2.

³⁴ URL: www.un.int.

³⁵ *Galtung J.* The True Worlds-A Transnational Perspective. N.Y., 1980. P. 341.

ческой и политической сферах. Кроме того, все больше связываются воедино национальные экономики, создавая объективную заинтересованность ведущих международных акторов в поддержании стабильности на этих участках, поскольку от этого может зависеть и стабильность самой системы, демонстрирующей признаки уязвимости от колебаний подобного рода. Так, бывший Президент Франции Ж. Ширак сказал в Генуе на встрече «Большой восьмерки» в июле 2001 г., что «глобализация должна быть лучше управляема». Аналитики также отмечают, что международные финансовые институты, столкнувшись с феноменом распространения кризиса в транснациональных масштабах, осознают важность поиска адекватных механизмов глобального управления³⁶.

Наконец, в течение XX в. прослеживается очевидная тенденция к росту количества различных международных организаций, компетенция которых расширяется³⁷. Так, согласно данным Союза международных ассоциаций, их число увеличилось с 213 в 1909 г. и 955 в 1951 г. до более 50 тыс. в настоящее время (среди них около 6,5 тыс. межправительственных и 44 тыс. неправительственных), причем наиболее значительный пропорциональный рост пришелся на начало 1980-х гг. (в 2,5 раза), а количественный – на 1990-е гг. (на 16 тыс.)³⁸.

Институциональная основа для глобального регулирования уже имеет определенные конкретные черты, и центральное место в ней занимает система ООН. Несмотря на критику в ее адрес и наличие альтернативных центров принятия глобально значимых решений, очевидно, что ООН выполняет важнейшую функцию по координированию современной мировой политики в условиях глобализации. Не случайно Нобелевская премия мира за 2001 г. была присуждена именно ООН и ее Генеральному секретарю Кофи Аннуну, а Нобелевский комитет в своем наградном постановлении отметил, что «единственным путем к миру и глобальному сотрудничеству является движение к этим целям вместе с ООН»³⁹. Несомненно также, что система Объединенных Наций является наиболее универсальным, разветвленным и репрезентативным органом мирового сообщества; свою приверженность Уставу ООН выражают все институционализованные субъекты международных отношений.

Большинство споров об эффективном глобальном управлении сосредоточивается вокруг реформы ООН. Можно сказать, что эти дискуссии разворачиваются насчет того, насколько эффективно способна система ООН выполнять соответствующие функции и в какой форме она сохранится в будущем. Иными словами, анализ институциональной основы управляемости глобализацией неизбежно будет концентрироваться вокруг ООН⁴⁰.

Проблема глобального управления является крайне сложной еще и потому, что непосредственно затрагивает проблематику государственного суверенитета – краеугольный камень Вестфальской системы мирового порядка. Государства – главный системообразующий элемент международных отношений – традиционно с неприятием относятся к передаче собственных полномочий на международный уровень. Показательно, что без тезиса о переосмыслении концепции суверенитета государства не обходится практически ни одно исследование по глобальному управлению⁴¹.

³⁶ См.: Барбанов О. Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация с человеческим лицом / под ред. А. В. Торкунова. М., 2002. С. 31–53.

³⁷ Cuppit R., Whitlock R., Williams Whitlock L. The (Im)mortality of International Governmental Organizations // Diehl P. (ed.) The Politics of Global Governance. L., 1997. P. 8.

³⁸ См.: Yearbook of International Organizations statistics. URL: www.uia.org/uiastats.

³⁹ Известия. 2001. 13 окт.

⁴⁰ Nairn M., Smith G. Altered States: Globalization, Sovereignty and Governance. Ottawa, 1999. P. 19.

⁴¹ Rittberger V. The Future of Sovereignty: Rethinking a Key Concept of International Relations // Envisioning the United Nations in the Twenty-first Century: Proceedings of the Inaugural Symposium on the United Nations System in the Twenty-first Century. Tokyo, 1995. P. 70.

Тем не менее можно отметить, что отдельные страны принимают более активное участие в обсуждении тем, относящихся к проблематике международного сотрудничества и глобального управления. В основном это средние развитые страны, рассчитывающие таким образом повысить собственную значимость на мировой арене, – Канада, Норвегия и некоторые другие⁴². Позиция России в этой связи состоит в том, чтобы стремиться к «совместному поиску путей повышения управляемости мировых процессов и обеспечению стабильности в мире, одинаково необходимых всем государствам»⁴³.

Ввиду важности и актуальности данной проблемы вопросы управляемости глобализацией и глобального управления в целом получили уже достаточно подробную теоретическую разработку.

Следует также отметить, что изучение проблем управляемости глобализацией во многом обусловлено важностью проблем, способных поставить под вопрос бытие человечества, таких как диспропорции экономического развития в мире или нехватка ресурсов, в том числе углеводородных. Философско-мировоззренческая основа такого знания концентрируется в идеях холизма – представлении о едином взаимосвязанном мире или мире, представляющем собой неразрывное единство⁴⁴.

В глобалистском холизме можно выделить ряд основных позиций: макросоциологическую (Р. Робертсон, Д. Хелд), антропо-экологическую (Э. Янг, Н. Моисеев), культурологическую (В. Каволис, Б. Ерасов). Их сторонники рассматривают бытие человечества через призму его социальных, природных условий, а международные отношения в силу их политико- и государственно-центричности как достаточно частную сферу знания. Однако, во-первых, международные отношения начинают сближение с глобалистикой по мере того как ее предмет становится более широким за счет акцентирования конституирующей роли связей, а экономическая и военно-стратегическая повестка дня дополняется экологическими, социальными, демографическими измерениями. Во-вторых, постановка глобальных проблем при переводе их на прикладной уровень глобального управления требует поиска их решения и анализа обстоятельств политического порядка, которые могут быть положены в основание этого решения.

Становление такого рода знания о глобальности охватывает вторую половину XX в., но особенно активно развертывается с начала 1970-х гг., например, в прогностических работах Римского клуба, подходящего к анализу глобальных проблем с позиции системности, т. е. представления о постоянном росте взаимосвязей между элементами в единой планетарной системе⁴⁵. Растущий дисбаланс между развитием человечества и возможностями природы должен стать предметом поворота к новой парадигме «устойчивого развития», восстанавливающей это равновесие, – переориентации с количественного роста на качественный, от внешних пределов роста к внутренним. И действительно, этот поворот может быть достигнут лишь на основе совместных международных усилий, конкретные механизмы которых определяются институциональными рамками организации взаимодействия действующих акторов.

Исходя из вышеизложенного, для анализа возможных способов организации глобального управления было бы целесообразным обратиться к работе английского специалиста Д. Митрани. Он выделяет три основных подхода.

Первый – ассоциативный – подход основан на признании целесообразности взаимодействия государств в рамках ассоциативного объединения некоторой степени интегрированности на случай возникновения кризиса. При этом политика и идентичность государств остаются нетронутыми. Образцом такого рода может послужить Лига Наций, при создании которой

⁴² См., например: Axworthy L., Vollebaek K. New Diplomacy for a New World // International Herald Tribune. 21 October 1999.

⁴³ Иванов И. С. Концепция мира в XXI веке // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 17.

⁴⁴ Чешков М. Глобальный контекст постсоветской России: очерки методологии и теории мироцелостности. М., 1999. С. 16.

⁴⁵ См.: Лейбш В. Римский клуб и Проект моделей мирового порядка // Системные исследования. Вып. 25. М., 1997. С. 41.

исходили из задачи определения правовой основы отношений между государствами в негативном смысле, например, не вести агрессивной войны. Однако ассоциативный подход не конкретизирует механизмы поддержания мира и безопасности, а такая межгосударственная организация, не имея возможности упреждающим образом влиять на политику государств, окажется неспособной разрешить военные кризисы, возникновение которых приведет к ее развалу.

Второй подход – федералистский – предполагает создание всемирной федерации или федерации региональных или идеологических объединений, однако он представляется Д. Митрани сомнительным как с нормативной точки зрения, поскольку в отсутствие однородного мирового общества всемирное государство окажется либо тираническим, либо сверхбюрократизированным, так и с фактической, поскольку подобные объединения, даже если они и будут созданы под воздействием внешней угрозы, приведут к росту отчуждения между собой.

В качестве альтернативы этим подходам Д. Митрани предлагает функционалистский подход, основанный на принципе «форма должна следовать за функцией» и организации управления в соответствии с «конкретными нуждами, учетом локальных особенностей и требований времени»⁴⁶. В контексте глобального управления функционализм представляет собой попытку преодоления его фундаментального противоречия: между растущим запросом в мире на глобальное регулирование и неготовностью государств пойти на ограничение своего суверенитета, необходимое для этого.

Автор сознательно позиционирует свой подход как аполитический. Функции управления заключаются в обеспечении, с одной стороны, стабильности, с другой – изменений. Но если относительно первого ведущие государства теоретически могут прийти к согласию, что, к примеру, позволяет делать усовершенствованная в сравнении с Советом Лиги Наций структура Совета Безопасности ООН, то второе, даже с учетом создания специализированных агентств, неизбежно вызовет непреодолимые политические разногласия о проблеме передачи суверенитета. Поэтому управление должно строиться на основе не политического ограничения суверенитетов государств, а «их объединения» на благо решения конкретных задач⁴⁷, т. е. на основе международного сотрудничества «низкого уровня» в рамках деятельности функциональных органов, компетенция и сфера ответственности которых определяется индивидуально, согласно характеру проблемы, их возможностям и условиям работы. Тот факт, что после Второй мировой войны сохранились лишь такие функциональные органы предыдущей эпохи, как МОТ, свидетельствует о жизнеспособности такого подхода, преимущество которого заключается в возможности решения насущных проблем в отсутствие конституционалистских ограничений и центральной власти. Эффективность работы международных функциональных органов на конкретных направлениях должна способствовать дальнейшему расширению их системы, выявляя тем самым возможности глобального управления и потребность в учреждении центрального органа для его координации. Иными словами, при функциональном «разветвлении» сотрудничества его развитие в одной технической области помогает развитию в другой, и в конечном итоге функциональное сотрудничество может вторгнуться в политическую сферу и даже поглотить ее.

Формальные рамки Д. Митрани оставляет лишь для вопросов международного порядка и безопасности, исключительно в интересах которых уместно ограничение суверенитета. Однако здесь наблюдается некоторая неопределенность относительно роли функциональных органов – они могут принимать меры санкционного характера для упреждения агрессии, однако такие меры способны привести и к усилению агрессивных намерений. Это говорит о необходимости «позитивных мер» обеспечения мира, но остается неразрешенной проблема политического

⁴⁶ *Mitrany D. A Working Peace System. L., 1946. P. 6, 27.*

⁴⁷ *Mitrany D. Op. cit. P. 9.*

согласования по вопросу об ограничении суверенитета в случае возникновения острых кризисов.

Другое возможное направление решения проблемы заключается в анализе собственно международных организаций на предмет выявления условий, при которых они могут повысить свою роль в глобальном управлении путем более эффективного функционирования и подстраивания под интересы государств. Определенные функции ООН проявляются в выражении интересов государств-членов и выступлении в качестве форума их взаимодействия. Вместе с тем, как и любая сложная многосоставная организация, ООН обладает определенной долей автономности, необходимой в том числе и для эффективного исполнения своих функций.

Неофункционалисты Э. Хаас, К. Дойч, Дж. Най и др., трансформировавшие теорию Д. Митрани применительно к западноевропейской интеграции, показывают, как ранее принятые решения переливаются в новые функциональные области, включая все большее количество людей, требуют все больше и больше межбюрократических контактов и консультаций, встречая новые проблемы, вырастающие из прежних компромиссов⁴⁸. Для достижения максимального эффекта переливания (*spillover*) важно, чтобы схема интеграции была сразу поставлена на успешную основу, поэтому выбирать следует соответствующие сферы – например, экономическую. Движущим мотором этого процесса являются группы экономических интересов, которые предъявляют национальной бюрократии все более «транснациональные требования», вынуждая последнюю адаптироваться и отстаивать свою компетенцию путем создания межгосударственных органов сотрудничества. Таким образом, естественный процесс постепенно приводит к переносу многих сфер деятельности от государств на уровень новых центров принятия решений в международных институтах, а государства, в свою очередь, привыкают к такой ситуации⁴⁹.

Основное значение функционалистской теории заключается в более гибкой трактовке глобального управления, позволяющей отразить происходящие в мировой системе процессы самоорганизации без непосредственного создания глобального правительства. Ее особенностью является градуалистский подход. Очевидно, что новые формы международного сотрудничества постепенно находят свое отражение в институтах, выполняющих разнообразные функции по обустройству различных сторон жизни мирового сообщества, но при этом не предполагая обязательное создание централизованной системы глобального управления.

Следующий аспект в теории глобального управления связан с поисками международным сообществом глобальной проблемы нехватки ресурсов. Бурный рост развивающихся стран (в первую очередь в двух его ключевых аспектах, создающих напряжение для окружающей социальной и экологической среды, – демографическом и индустриальном), нефтяные шоки и экономические кризисы, мировоззренческий сдвиг в развитых странах как реакция на переход к постиндустриальной эпохе и другие явления в 1970-х гг. формировали у людей представление, что мир вступил в состояние турбулентности. Артикуляции глобальных проблем способствовали работы ряда общественных исследовательских центров, наиболее значительными среди которых являются созданные в 1968 г. по инициативе делового и научного сообщества Римский клуб и Институт моделей мирового порядка.

В докладах, представленных на рассмотрение Римского клуба, обращалось внимание на пределы роста, превышение которых вело к недопустимой нагрузке на окружающую среду и в конечном итоге угрожало благополучию человечества: поставленный миру диагноз – всестороннее расбалансированное развитие его частей как в социально-экономическом (Север – Юг),

⁴⁸ Haas E. International Integration: The European and Universal Process // International Organization. 1961. Autumn.

⁴⁹ Taylor P. A Conceptual Typology of International Organization // International Organization: A Conceptual Approach. L., 1978. P. 129.

так и структурно-функциональном отношении (промышленность и экология)⁵⁰. Используя методику математической экстраполяции с помощью ЭВМ, авторы первых докладов рекомендовали стабилизировать рост населения, уменьшить загрязнение окружающей среды, перейти к ресурсосберегающим технологиям, однако при этом не предусматривались институциональные рамки принятия таких решений на глобальном уровне, хотя только при этом условии предлагаемые меры приобретали бы эффективность. В последующих докладах перед человечеством ставилась первоочередная задача создания «мировой общности, основанной на новом международном порядке и системе взаимосвязанных, географически плюралистичных центров по принятию решений, действующих на всех уровнях человеческой самоорганизации»⁵¹. Подобные рекомендации – например, передача контроля над общими глобальными ресурсами (Мировой океан, околоземное пространство) в ведение наднациональных органов, служащих центром взаимодействия публичного, частного и общественного секторов, – выдержаны в рамках концепции «сетей сотрудничества».

В дальнейшем Римский клуб, обогащая свою теоретическую базу за счет системных концепций управления, смещал акценты с проблем внешних, физических пределов роста к факторам внутренним, социально-политическим. Концепция «органического роста» отрицает существование его пределов, но ограниченность связана с недостаточно эффективным использованием достижений научно-технического прогресса в интересах гармоничного развития и повышения качества жизни. Программно-целевой метод управления, применяющийся в технологических системах, неприменим к сложным, нелинейным социальным системам. Поэтому изменение поведения объекта управления должно проходить благодаря мягкому воздействию на его возможности к саморегуляции, адаптации и эластичности⁵². Такой подход лежит в основе социально-экономических программ ООН, ориентированных на повышение качества жизни, образовательного уровня, целевую финансовую помощь развитию.

В отличие от Римского клуба исследовательская программа «Проекты моделирования мирового порядка» (World Order Models Projects, WOMP) была ориентирована на концептуальное осмысление глобальных проблем. Участники программы (С. Мендловиц, Й. Галтунг, Т. Вайсс и др., всего девять исследовательских проектов в различных регионах мира) положили в его основу методологию «альтернативных миров», предполагающую исследование возможных будущих путей развития мира, определение наиболее предпочтительных вариантов и поиск средств воздействия на благоприятные тенденции. Вокруг модели предпочтительного мира становятся возможными мобилизация общественной поддержки и стратегическое программирование⁵³. В свою очередь, это означает, что демократизация международной политической жизни имеет положительное значение для глобального управления.

Над разрешением вышеуказанных проблем работали сформированные под эгидой ООН международные комиссии. Комиссия по вопросам мирового развития под председательством В. Брандта (1977–1983 г.) изучала проблему экономики развивающихся стран. В докладе «Север – Юг: программа выживания» рассматривалась взаимосвязь экономического роста и социального развития и возможность достижения второго за счет финансирования первого. В этих целях, в частности, предусматривалась помощь развитого мира в размере 0,7 % от ВВП к 1985 г. и 1 % к 2000 г., или введение «налога Тобина» на финансовые трансакции. «Холистическое» видение задач глобального управления отражено в докладе Комиссии ООН по окружающей среде и развитию под председательством Х. Брунтланд «Наше общее будущее» (1987 г.).

⁵⁰ См.: Лейбин В. Модели мира и образ человека: анализ идей Римского клуба. М., 1982. С. 215.

⁵¹ Laszlo E. Goals for Mankind: A Report to the Club of Rome. N.Y., 1977. P. 2.

⁵² См.: Сейтов А. Проблемы управления в XXI веке (по материалам Римского клуба) // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 98.

⁵³ Medlowitz S., Weiss T. Toward International Consensus: The World Order Model Projects // Introduction to World Peace Through World Law. Chicago, 1973. P. 80.

Такой подход представлен в рамках концепции устойчивого развития, понимаемого как развитие, обеспечивающее достижение потребностей настоящего дня (т. е. непрерывный рост и развитие) без ограничения возможности удовлетворения своих потребностей будущими поколениями. Рекомендации доклада включали развитие и расширение системы международных институтов сотрудничества и механизмов совместного решения общих проблем, разработку договоров в области окружающей среды, обеспеченных международными агентствами⁵⁴.

В целом 1970—1980-е годы свидетельствовали о значительном развитии более «мягких» механизмов международного сотрудничества и растущей транснационализации отношений в мировой системе. Их изучение, как уже отмечалось выше, может пролить дополнительный свет на процессы организации системы международных отношений, а в случае своей методологической ценности и эффективности при решении разнообразных проблем, стоящих перед мировым сообществом, составить одну из основ институциональной теории глобального управления.

Изучение «мягких форм» международного сотрудничества получило начиная с 70-х гг. наибольшую известность в работах представителей школы нелиберального институционализма. Основное внимание уделялось международным режимам, определяемым как «совокупность принципов, норм, правил и процедур принятия решений, к которым сводятся ожидания акторов в конкретной проблемной области международных отношений»⁵⁵.

В современных условиях термин «глобальное управление» (global governance) оказался в фокусе широких научных дискуссий главным образом после работ В. Брандта и его коллег из Комиссии ООН по глобальному управлению. Эта Комиссия была создана для обсуждения возможности совместными усилиями решить такие глобальные проблемы, как экологическая, борьба с бедностью, инфекционными болезнями и др. В 1995 г. Комиссия подготовила доклад «Наше глобальное соседство», в котором в качестве обоснования необходимости глобального управления указывалось на то, что развитие глобального управления является частью эволюции человеческих усилий в деле разумной организации жизни на планете, и этот процесс будет продолжаться всегда⁵⁶. Необходимость построения глобального управления в мире обосновывалась тем, что человечеству после эпохи глобальных войн и глобального противостояния представляется уникальный шанс принять «глобальную гражданскую этику», которая должна базироваться на совокупности основополагающих ценностей, которые объединят людей всех культурных, политических, религиозных и философских установок. Отмечалось также, что управление должно быть пропитано демократическими принципами на всех уровнях и осуществляться в соответствии с установленными правовыми нормами, которые должны распространяться на всех и каждого.

Определение глобального управления

В итоге проведенного исследования представляется возможным концептуализировать понятие управления глобализацией как составного элемента международной деятельности. Существует ряд определений глобального управления. До появления термина «глобальное управление» существовал другой термин – «глобальное правительство», означающий явление того же порядка, но весьма отличное. Так в чем же разница между этими двумя понятиями? Детально проанализировал это различие в своих работах Дж. Розенау⁵⁷. Оба английских термина «government» («правительство») и «governance» («управление») обозначают системы

⁵⁴ См.: URL: www.un.org/esa/sustdev.

⁵⁵ Krasner S. International Regimes. Ithaca, 1983. P. 2.

⁵⁶ См.: Our Global Neighborhood: The Report of the Commission on Global Governance. N.Y., 1995.

⁵⁷ Rosenau J. Governance in a New Global Order // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. L. 2002. P. 71–73.

правления, регуляционные механизмы, с помощью которых осуществляется власть, направленная на сохранение единства определенной политической системы и реализации намеченных целей. Отличие же состоит в том, что под правительством обычно понимают определенные структуры, в то время как под управлением – некие социальные функции и процессы, которые применяются в различных условиях и в различных формах с большим числом участников. Управлять – значит осуществлять власть, а иметь власть – значит иметь признание со стороны тех, на кого распространяется эта власть. Отсюда следует еще одно различие. У правительств власть зиждется на определенных конституционных положениях, указах, распоряжениях и прочих принятых официальных документах. Что же касается управления, то власть здесь ассоциируется с процессами, появившимися в результате повторяющихся практик, которые имеют властную природу, несмотря на то, что могут и не быть конституционно оформленными. В этом основное преимущество систем правления, которые имеют в своей основе правительство – как гарант обеспечения самого процесса регулирования. В случае управления гарантий выполнения обязательств, как правило, нет. В этом и состоит основная трудность реализации глобального управления.

А. Наджам, профессор Бостонского университета и Флетчеровской высшей школы права и дипломатии, дает следующее определение глобального управления: это управление глобальными процессами в отсутствие глобального правительства⁵⁸. И такое определение вполне справедливо, имея в виду разграничение терминов «правительство» и «управление».

Т. Вайс определяет глобальное управление как коллективные усилия с целью обнаружения, дальнейшего изучения или решения мировых проблем, которые выходят за рамки возможностей их решения на государственном уровне⁵⁹.

Глобальное управление – это не нормативный термин, определяющий качественную оценку его проявления. Его скорее следует относить к конкретным договоренностям кооперативного характера, направленным на решение конкретных проблем. Такие договоренности могут быть формально закреплены в виде законов или официально признанных институтов, которые бы решали общие проблемы с помощью разнообразных акторов (государств, межправительственных организаций, неправительственных организаций, ТНК и других частных структур или представителей гражданского общества, отдельных частных лиц и т. д.). Но они могут иметь и неформальный характер (в случае осуществления определенных сложившихся практик) или временное действие (в случае создания коалиций).

Таким образом, можно согласиться с обобщенным определением глобального управления, предложенным Т. Вайсом и Р. Такуром: «глобальное управление – это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между государствами и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан и организации, как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры»⁶⁰.

Позиции основных теоретических школ по отношению к глобальному управлению

В настоящее время в мировой науке анализ процессов глобализации и управления ею происходит главным образом в рамках двух основных теоретических школ – реализма и либерального интернационализма – как наиболее авторитетных и, по большей части, противополо-

⁵⁸ См.: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Adil_Najam.

⁵⁹ См.: URL: http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Ralph_Bunche_Institute_for_International_Studies&action=edit.

⁶⁰ Weiss Th., Thakur R. The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. Chicago, 2003.

ложных. Школа реализма делает основной акцент на приоритетной роли суверенных государств на мировой арене. Школа либерального интернационализма, напротив, делает акцент на самостоятельной и независимой от государств международной деятельности экономических структур. Основные положения данных школ относительно глобализации сводятся к следующему.

Реализм

Политический реализм является старейшим направлением в изучении международных отношений, предтечами которого считаются Фукидид, Макиавелли и Т. Гоббс. Среди современных представителей этой школы Р. Гилпин в своей работе «Взгляд реалистской школы на международное управление» отмечает Е. Х. Карра, Г. Моргентау, Р. Нибура, К. Уолца и М. Вайта⁶¹. Все указанные ученые, включая Р. Гилпина, придерживаются единой позиции в отношении международных отношений. Сам реализм (так же как и либерализм, и марксизм), по мнению Р. Гилпина, – скорее, определенная философская позиция, нежели научная теория в чистом виде. А значит, такую позицию нельзя подвергнуть эмпирическому анализу и, следовательно, нельзя доказать, что она является верной или ложной.

Позиция школы реализма в международных отношениях определяется следующим:

- система международных отношений представляет собой анархию, верховной политической власти не существует;
- государство суверенно и не подчиняется какой-либо высшей светской власти;
- государства, как важнейшие акторы международных отношений, сотрудничают друг с другом, создают международные организации, но только в тех областях, в которых их интересы совпадают;
- в международных отношениях государства руководствуются принципами соблюдения национального интереса и обеспечения национальной безопасности;
- одним из основных понятий, определяющих роль государства в международных отношениях, являются отношения власти (преимущественно военной, но также экономической, психологической и др.).

Таким образом, в современном мире, согласно реалистской школе, государствам приходится «всегда быть начеку в свете реальных или вероятных угроз их политической или экономической независимости»⁶², а саму глобальную систему, по образному выражению К. Уолца, можно охарактеризовать принципом «помоги себе сам» («self-help international system»)⁶³.

Что касается участников международных отношений, то реалисты, как уже отмечалось выше, считают государство главным актором на мировой политической арене, хотя при этом признают важность и других «игроков», таких как Всемирный банк, МВФ. Но это касается неореалистов, а не приверженцев традиционно реалистской парадигмы, где государства признаются вообще единственными акторами, реально влияющими на политический процесс. И все же что касается принятия первостепенных решений, то господство государств у реалистов (и неореалистов) не вызывает сомнений.

Процессы глобализации, наиболее очевидные в экономической области, реалисты объясняют не с позиции «размывания» государств и преобразования мира в единую экономику, а все с тех же позиций соблюдения национального интереса каждого отдельного государства, в том смысле, что на данном этапе выгоднее становится политика интеграции, но совершенно не обязательно, что так будет всегда.

⁶¹ *Gilpin R. A realist perspective on international governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. L., 2002. P. 237.*

⁶² *Gilpin R. A realist perspective on international governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. L., 2002. P. 238.*

⁶³ *Waltz K. Theory of International Politics. Reading, 2002. P. 134.*

Вместе с тем реалисты признают влияние ТНК и неправительственных организаций (НПО) и даже заявляют о том, что государства, может быть, и не будут существовать всегда (такое мнение, в частности, высказывает Р. Гилпин). Ведь они были созданы для решения определенных задач, а именно, были призваны обеспечить стабильность и порядок, а граждане в обмен на эти блага признавали власть своих государств и обещали подчиняться их законам. Следуя такой логике, если государства на определенном этапе перестанут реализовывать задачи, которые перед ними ставят граждане, они исчезнут. Другое дело, что такое развитие событий, с точки зрения реалистов, маловероятно, во всяком случае в ближайшей перспективе.

По сути, реалисты со скептицизмом смотрят на возможность глобального управления в международных делах. В то же время они отмечают прогресс в управлении мировой экономикой, а также говорят о том, что если и будет создан механизм глобального управления, то он будет создан в экономической сфере.

Тем не менее, признавая важную роль мировой торговли, деятельность ТНК в придании большего порядка современным международным экономическим отношениям, согласно реалистской школе, остается явно недостаточной, и им не удастся переломить изначально анархичную структуру мира. Ведь они не смогли создать наднациональных органов власти, которые бы управляли поведением эгоцентричных государств. «И раз уж эффективный механизм глобального управления в области экономики так и не был выработан, то что уж говорить о перспективах наведения порядка в куда более сложных областях мировой политики», – отмечает Р. Гилпин⁶⁴.

По мнению реалистов, существуют три основные функции управления, которые по-прежнему принадлежат исключительно государствам: 1) выпуск национальной валюты; 2) налогообложение; 3) обеспечение государственной и индивидуальной безопасности. Сразу возникает вопрос о единой валюте Европейского союза. Доводы реалистов сводятся к следующему: евро – пока единственный пример передачи полномочий по чеканке монеты наднациональному органу и окончательный результат этого эксперимента еще неизвестен, кроме того, Союзу понадобится большая политическая интеграция, чтобы евро был достаточно стабилен. В свете проблем с принятием общей Конституции Европейского союза последний аргумент является особенно справедливым.

Для реалистов реализации глобального управления препятствуют три непреодолимые, с их точки зрения, проблемы:

- *«проблема власти»*: реалисты настаивают на том, что любое правительство и любая система управления нуждается в эффективном механизме контроля, с тем чтобы предотвратить злоупотребления во власти⁶⁵;
- *«проблема мирных перемен»*: каждая система управления должна иметь социальную, политическую и экономическую основу, но изменения в структуре сложившихся отношений власти все равно будут происходить, в этой связи необходимо включить в систему глобального управления механизм обеспечения «мирных перемен»⁶⁶;
- *«проблема предназначения глобального управления»*: необходимо четкое определение социальных, политических и экономических причин, оправдывающих целесообразность формирования глобального управления.

И все же, несмотря на явную сдержанность по отношению к перспективам глобального управления, нельзя сказать, что реалисты полностью отвергают саму концепцию. Конечно, очевиден скептицизм к подобным перспективам, который школа политического реализма объясняет по преимуществу отсутствием возможности эффективного, справедливого (или

⁶⁴ Gilpin R. Op. cit. P. 240.

⁶⁵ Bull H. The Anarchical Society: A study of order in World Politics. N.Y., 1977. P. 53.

⁶⁶ См.: Carr E. H. The twenty years' crisis, 1919–1939. 2nd edn. L., 1951. P. 112.

демократического) глобального управления и, самое главное, не до конца выясненным предназначением реализации глобального управления на современном этапе.

Либеральный интернационализм

Либеральный интернационализм по определению соединяет в себе два достаточно отличных направления: либерализм и интернационализм. Либерализм ставит целью определение условий реализации политической свободы и либерального правительства, тогда как интернационализм связан с идеей распространения транснациональной (или глобальной) солидарности и интернационального правительства. Одно направление не обязательно подразумевает другое. Например, либералы ратуют за ограниченное правительство, а интернационалисты – за расширение полномочий правительства в международной сфере.

Несмотря на все видимые противоречия, существующие внутри рассматриваемого направления, либеральный интернационализм, возникший еще в начале XIX в. благодаря работам Т. Пейна, И. Канта, А. Смита, Дж. Бентама и Дж. Милля, переживает свое перерождение после окончания «холодной войны». Сегодня наиболее авторитетными представителями этой школы являются М. Дойль, М. Говард, Р. Кохэн, В. Хантли, Д. Дьюдни, Дж. Икенберри, Н. Вудс и др.

Проанализируем, чем характеризуется школа либерального интернационализма. По сути, это направление является своего рода антиподом политического реализма, причем не только в том, что касается объяснения миропорядка, но и в том, каким он должен быть. Достижение максимально возможной свободы человека и есть основная цель в рамках либерального интернационализма, но достичь этого можно лишь в условиях отсутствия войны и предпосылок к ее возникновению. А поскольку конфликты и войны являются неотъемлемой чертой существующей системы, при которой суверенные государства стремятся максимизировать свою власть, необходимые предпосылки для реализации человеческой свободы могут быть достигнуты лишь при условии «управления или выхода за пределы принципа политики с позиции силы» (*governance or transcendence of power politics*). Этот довод подкрепляется четырьмя основными положениями⁶⁷:

1) рациональная политика является необходимым условием эффективного управления международными отношениями;

2) международное сотрудничество, как с рациональной, так и этической точки зрения, является предпочтительнее положения конфликта: растущая материальная взаимозависимость государств создает необходимость международного регулирования;

3) международные организации способствуют распространению мира и стабильности, умирняя более сильные государства путем создания международных норм и новых правил проведения многосторонней политики, а также у них есть необходимые механизмы предотвращения или управления межгосударственными конфликтами;

4) в мировой политике прогресс возможен лишь тогда, когда принцип политики с позиции силы не будет рассматриваться в качестве обязательного условия поддержания межгосударственного порядка: этот принцип может быть значительно уменьшен либо совершенно преодолен по мере проведения постепенной реформы или «одомашнивания» международных отношений (правовое государство, всеобщие права человека и т. д.).

Все либералы верят в силу человеческого разума. Войны между государствами одни из них объясняют несовершенством отдельных внутригосударственных систем. Речь идет об авторитарных режимах с присущей им централизацией власти, секретностью, отсутствием гражданского общества и т. д. (Т. Пейн, И. Кант, Дж. Милль). Другие ссылаются на меркантилистскую организацию экономики, которая способствовала развязыванию войн с целью эко-

⁶⁷ McGrew A. Liberal internationalism: between realism and cosmopolitanism // *Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance*. L., 2002. P. 268.

номической выгоды (А. Смит, Р. Кобден). Отсюда вывод (и это относится к обоим подходам): чтобы способствовать предотвращению войн, нужно прежде всего провести реорганизацию внутри самих государств, а не всего международного сообщества государств. Так, Кант считал, что если правительства будут подчинены воле общественного мнения, то войн можно будет избежать, поскольку развязывание войны вряд ли найдет поддержку со стороны населения. Но несмотря на то что акцент был сделан на необходимости проведения реформ внутри государств, Кант и Бентам отмечали важность международного права, установления «космополитического права», направленного на обеспечение мира путем определения прав и обязанностей граждан и государств в рамках «конфедерации государств», где устанавливается отказ участвующих государств от политики войны. Многие аналитики рассматривали такое предложение Канта как предтечу современных систем коллективной безопасности. И по мере усиления взаимозависимости между государствами, укрепления демократии другие государства, по мнению Канта, тоже «подхватят» эту тенденцию, что и приведет к «вечному миру».

Однако что касается обеспечения мирового порядка, то Дж. Бентам не считает установление мирового правительства в качестве обязательного условия этого. Напротив, он настаивал на том, что «мирового правительства должно быть как можно меньше»⁶⁸.

Тем не менее споры по поводу того, каким либеральный интернационализм видит глобальное управление, продолжились. В период между мировыми войнами было пересмотрено отношение к вторжению во внутренние дела государства (*state intervention*) как к допустимой мере воздействия. В связи с успехом международных организаций, созданных в XIX в. (Международного телеграфного союза и Всемирного почтового союза), представители либерализма высказывались за создание некоей формы международного управления при наделении этого органа соответствующими властными полномочиями, призванными «навязывать мир» (*to enforce peace*). Выдвигались предложения по поводу устройства этого вселенского международного органа. Вот лишь самые заметные:

- создание мировой федерации или конфедерации, предполагающей наличие мирового правительства, наделенного наднациональной властью;
- создание децентрализованной и плюралистической системы международного управления в традициях функционализма;
- создание системы более широкого международного сотрудничества и коллективной безопасности (в духе Лиги Наций).

Очевидно, что первые два предложения обустройства глобального управления были изначально невыполнимыми (во всяком случае, в их чистом виде) в силу явных противоречий, существовавших (и продолжающих существовать) между государствами (и другими акторами мировой политики). Достигнуть согласия всех на объединение во всеобщую конфедерацию, а тем более создать зрелую демократическую децентрализованную систему глобального управления на том этапе (как, в общем-то, и сегодня) было нереально, что не замедлила со всей наглядностью продемонстрировать действительность.

Третье предложение выглядело более реалистичным. В. Вильсон, идеолог либерализма первой половины XX в., полагал, что достичь справедливого миропорядка можно при соблюдении двух условий: 1) распространение демократии и 2) создание демократичной системы коллективной безопасности в виде Лиги Наций, как первого большого эксперимента в области современного глобального управления. Основной целью такой организации было выяснение всех конфликтных ситуаций в ключе диалога, без применения силы, а также при соблюдении принципа равенства государств. Лига Наций включала элементы предложенной Кантом «конфедерации государств с республиканской формой правления» («*Confederation of*

⁶⁸ Цит. по: *Hinsley F. H. Power and the pursuit of peace. Cambridge, 1967. P. 56.*

republican states») и предложенный Дж. Бенхамом «Общий Верховный Суд» («Common Court of Adjudication») для урегулирования споров между государствами.

Несмотря на то что первый в истории эксперимент глобального регулирования во главе с Лигой Наций провалился, либеральный интернационализм не канул в Лету, а архитекторы поствоенного мироустройства не разуверились в реализуемости идеи управления на глобальном уровне. Интересно замечание Э. Макгрю о том, что создание ООН и большого числа его специализированных учреждений, включая институты Бреттон-Вуддской системы, отражало стремление США как либерального гегемона, установить либеральный миропорядок, где бы процветали демократия и капитализм. Парадоксально, но оказалось, что такое развитие событий подрывало базовые принципы либерально-интернационалистической школы, поскольку это практически подтверждает известный довод реалистов о том, что международное управление в лучшем случае может существовать только при одобрении доминирующего государства, а в худшем – оно бы было просто инструментом выполнения интересов такого государства⁶⁹.

Как уже отмечалось, настоящим «подарком» для либералов-интернационалистов явился конец XX в., характеризовавшийся окончанием «холодной войны», третьей волной демократизации и растущими темпами глобализации. Тогда же была пересмотрена и логика международного сотрудничества. Современный этап развития изучаемой теоретической школы характеризуется четырьмя основными течениями:

1) *либеральный институционализм*. Признавая, что США как гегемон современного мира могли способствовать развитию международного сотрудничества, Р. Кохен, представитель данного течения, однако, не согласен с тем, что продолжающийся на протяжении всего послевоенного периода (и усугубившийся после «холодной войны») процесс многостороннего сотрудничества объясняется исключительно ролью США. Настоящей причиной международного сотрудничества он считает наличие конфликта, так как если бы в международных отношениях существовала гармония, то никакого сотрудничества не понадобилось бы. А международные организации, согласно либеральному институционализму, «не расшатывают власть государств, а, скорее, наделяют их большей властью», так как участие государств в международных организациях представляется выгодным, прежде всего, для самих государств⁷⁰;

2) *структурный либерализм*. Причина многостороннего сотрудничества в послевоенный период – либеральный характер гегемона мировой политики США. Благодаря США же сама система современного глобального управления представляется в этом течении как либеральная. При этом существуют предпосылки достижения состояния более стабильного мира путем увеличения числа демократических государств;

3) *либеральный реформизм*. Основная задача мировой политики – устранить основные недостатки существующей системы глобального управления (доминирование наиболее сильных государств в формировании международных институтов, «дефицит демократии» («democracy deficit»), отсутствие контроля за процессом формирования общественного мнения и др.)⁷¹ и выработать необходимые условия для создания более эффективного и легитимного глобального управления, а именно: обеспечить демократический характер управления на всех уровнях «путем применения действительного принудительного права как на национальном уровне, так и в рамках всего «нашего глобального соседства»⁷²;

4) *либеральный космополитизм*. Основная задача – обеспечение справедливости в глобальном управлении, которое в своем современном состоянии представляется несправедливым, поскольку «закрепляет существующее глобальное неравенство, а следовательно, и гло-

⁶⁹ McGrew A. Op. cit. P. 272.

⁷⁰ См.: Keohane R. O. After hegemony. Princeton, 1984.

⁷¹ Globalization with a human face: UN human development report. Oxford, 1999.

⁷² См.: Our Global neighborhood. Oxford, 1995.

бальную несправедливость; поэтому необходимо провести перераспределение благ от богатых к бедным»⁷³.

Таким образом, либеральный интернационализм является достаточно разрозненным течением и представляет собой, по словам А. Мэйсона, «мнимое интеллектуальное единство при настоящем теоретическом плюрализме»⁷⁴.

Однако это не означает, что в нем назрел кризис. Разумеется, противоречия есть. Во-первых, по поводу того, следует ли государство считать барьером на пути к созданию подлинного либерального миропорядка, или оно является одним из составляющих элементов такого миропорядка⁷⁵. Во-вторых, нет единства в том, будут ли соединены или разделены экономическая и политическая сферы в условиях новой системы либерального глобального порядка. Имеются и более глубинные противоречия: в чьих интересах будет вестись глобальное управление и какие цели преследовать? В-третьих, уже долгое время продолжаются дебаты относительно того, в какой форме должно существовать глобальное управление: должно ли оно проявлять максимальное участие или, напротив, проводить политику «минимального управления»?

Трудно переоценить вклад либерального интернационализма в теоретическое осмысление происходящих в мире перемен. Однако именно за идеологическое наполнение и чрезмерное моделирование (и теоретизирование) либеральный интернационализм и подвергается наибольшей критике, особенно со стороны представителей школы политического реализма и марксизма. Обвиняют его даже в искажении данных о действительных источниках власти в мировой политике и в лицемерии по поводу возможности демократического глобального управления.

Тем не менее либеральный интернационализм остается влиятельным направлением политической мысли и, пожалуй, основным в изучении глобального управления. Нельзя преуменьшать его очевидные достоинства. Эта теоретическая школа первой стала разрабатывать идею проведения политики и управления вне рамок государства, причем представила глубокий анализ природы, формы логики и недостатков современной системы глобального управления и возможности реализации подлинного глобального управления.

В то же время очевидны два серьезных недостатка: явная разобщенность объяснительной и нормативной базы, а также противоречие между присущим этому направлению этическим радикализмом и институциональным консерватизмом или даже агностицизмом, имея в виду отношение к данной теории как «лучшей институциональной структуре в изучении международной политики»⁷⁶.

В то же время практически общепризнанной является точка зрения, согласно которой современный этап формирования институтов и режимов глобального регулирования определяется процессами глобализации. Все это приводит к тому, что, по словам Дж. Розенау, «внутригосударственные и международные институты взаимодействуют, укрепляя друг друга: демократизация и расширение мирового сообщества прочно связываются с увеличением количества международных институтов, создающих пространство для реализации внутреннего выбора»⁷⁷.

⁷³ *Caney S.* International distributive justice // *Political Studies*. L., 2001. № 2.

⁷⁴ *Mason A.* Community, solidarity, and belonging. Cambridge, 2000. P. 24.

⁷⁵ *Franceschet A.* Sovereignty and freedom: Immanuel Kant's liberal internationalist legacy // *Review of International Studies*. 2001. № 4. P. 124.

⁷⁶ *Beitz C.R.* Social and cosmopolitan liberalism // *International affairs*. 1999. № 1. P. 43.

⁷⁷ *Rosenau J.* Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence // *Political Studies Quarterly*. 1984. № 1. P. 20.

Уровни наднационального управления

Достаточно сложным и пока мало изученным является вопрос о сочетании двух уровней наднационального управления – глобального и регионального (к примеру, ООН – Европейский союз). Каким образом будет осуществляться разделение предметов ведения и полномочий между этими двумя уровнями управления? Какой из них будет «главным» по отношению к другому (т. е. будет ли глобальная управляющая структура делегировать часть своих полномочий региональной или, наоборот, региональная наднациональная структура, которая сама уже существует на основании делегирования полномочий от входящих в нее государств, передаст некоторые из них «еще выше», на глобальный уровень, который, таким образом, будет производным от регионального и, что гораздо более важно, подотчетным ему)? Наконец, будет ли глобальная управленческая структура создавать свои собственные «территориальные органы» (или полпредства) в различных регионах мира (для условного примера, если центром глобального управления станет ООН, то как изменится роль существующих сейчас экономических комиссий ООН для разных континентов – получают ли они необходимые властные полномочия)? Все эти вопросы порождают к жизни немало футурологических построений и концепций.

Еще один вопрос – что станет с государствами после реализации глобального управления? Растворятся ли они вообще и предстанут не более как административные единицы «глобальной республики»? Или же, напротив, переход к глобальному управлению будет осуществлен через качественно интенсифицированное глобальное межгосударственное сотрудничество, и тогда в качестве модели мироустройства можно будет говорить о Соединенных Государствах Земли?

Как повлияет введение глобального управления на попытки размывания государственного суверенитета «снизу»? Как поведут себя внутригосударственные регионы в этом случае? Потребуется ли им особый глобальный форум для своего представительства (по типу Комитета регионов Европейского союза)? На все эти вопросы пока нет четких ответов, но без них практическая реализация глобального управления будет невозможна.

Предложения ООН по глобальному регулированию

В докладе Программы развития ООН (ПРООН) о развитии человека за 1994 г. выдвинуто предложение о создании «новой глобальной архитектуры», которая предусматривала бы создание новых наднациональных институтов для решения глобальных проблем, которые не поддаются урегулированию на внутригосударственном уровне. Среди них выделены:

- Совет экономической безопасности – для деятельности в связи с угрозой безопасности человека;
- Всемирный центральный банк – для обеспечения глобального макроэкономического управления и контроля за деятельностью международной банковской системы;
- Международный инвестиционный фонд – для передачи избытков средств, образующихся в результате деятельности на международном уровне, развивающимся странам;
- всемирный антимонопольный орган – для наблюдения за деятельностью многонациональных корпораций и обеспечения честной конкуренции на рынках.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе в 1998 г. предложил серьезную и радикальную реформу структуры и функций ООН. В частности, он выступил за перераспределение ряда полномочий между отдельными органами ООН, призвав к передаче ряда вопросов из ведения Совета Безопасности ООН Генеральной Ассамблее. Эти шаги, по его мнению, позволили бы повысить репрезентативность принимаемых ООН решений, сделать сопричастными им все государства-члены.

В выполненном под эгидой ООН докладе комиссии Л. Брахими по проблемам современного миротворчества, представленном в 2000 г., предлагалось наделить ООН гораздо более серьезными полномочиями в сфере миротворчества, в частности предоставить ей право выступать инициатором миротворчества и антикризисного вмешательства.

Доклад ПРООН за 1999 г., посвященный человеческому измерению глобализации, еще более модифицировал и детализировал эти предложения. В нем в качестве элементов «новой глобальной архитектуры» названы следующие институты:

- Всемирный центральный банк с функциями последнего кредитора в критической ситуации;
- Всемирное экологическое учреждение;
- Всемирный инвестиционный фонд с перераспределительными функциями;
- Международный уголовный суд с более широким мандатом в области прав человека;
- двухпалатная Генеральная Ассамблея ООН, в которой были бы представлены, помимо государств, и институты гражданского общества.

ВТО в этом контексте предлагалось предоставить полномочия по формированию глобальной политики в области конкуренции в сочетании с антимонопольными положениями и кодексом поведения многонациональных корпораций.

Очевидно, что в случае реализации такой схемы было бы уже вполне возможным говорить о глобальном управлении как о свершившемся факте, поскольку ощутимо высокая степень наднациональности (и транснациональности), присущая этой системе общемировых институтов, делала бы ее функционирование в большой степени независимым от государств и, более того, *de jure* или *quasi de jure* обязывающим их соблюдать ее решения.

Сессия Тысячелетия: новый взгляд на глобальное сотрудничество

Сессия Тысячелетия Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2000 г. имела очень важное значение для обсуждения и выработки практически реализуемых подходов мирового сообщества к глобальному регулированию. В частности, сессия выделила основополагающие принципы глобального взаимодействия в будущем: свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважительное отношение к природе, общую ответственность. Таким образом, лидеры государств выработали под эгидой ООН своего рода кодекс глобального поведения, на основе которого должно будет осуществляться глобальное сотрудничество в новом веке.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что разработка системы регулирования для XXI в. должна начинаться с формирования твердой приверженности глобальной этике. Для того чтобы глобальное управление/сотрудничество было эффективным, должны сформироваться общие ценности, стандарты и позиции, воспринятые широкими кругами всех стран и на транснациональном уровне.

Декларация Тысячелетия ООН специально подчеркнула, что обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранением угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе.

Помимо этого, на Сессии Тысячелетия было подчеркнуто, что центром формирования архитектуры нового глобального миропорядка может и должна оставаться ООН. Она глобальна и универсальна по своему составу, в нее входит более 190 государств, с ней сотрудничают все наиболее значимые экономические структуры и неправительственные организации. Кроме того, ООН является ядром семьи специализированных международных организаций, охватывающих важнейшие сферы в жизнедеятельности человечества в эпоху глобализации.

В итоге проведенного анализа можно сделать вывод, что для сохранения преимуществ глобальной рыночной конкуренции и направления сил глобализации на поддержку прогресса

человека необходимо более эффективное регулирование. Острый характер глобальных проблем ставит на повестку дня вопрос о сознательном управлении мировым развитием. Поэтому изучение проблем глобального управления и глобального сотрудничества – крайне важная и актуальная задача.

Главным вопросом в этой связи является характер отношений между суверенными государствами и глобальными институтами. Принципиально важно не допустить серьезных конфликтов в мире, не поляризовать государства.

Важной проблемой является демократичность глобального управления. Возникают опасения, что структуры такого рода, если они будут созданы, не будут подотчетны никакому публичному контролю.

Анализ международной реакции на финансовые кризисы 1997–1998 и 2008–2009 гг. показал, что важнейшей функцией глобального управления должна будет стать транснациональная социальная защита.

Требуется также выработка четких и принимаемых всеми правовых норм, на которых будет строиться глобальное регулирование. Именно от этого будет зависеть уровень международной финансовой безопасности в среднесрочной перспективе.

§ 3. Тенденции развития транснациональных корпораций в условиях глобализации

В первые годы XXI в. процесс глобализации мировой экономики, начавшийся в последней трети прошлого века в связи с бурным развитием научно-технической революции, вступил в свою зрелую стадию. На данной стадии происходит своеобразное «стирание национальных границ», мировая экономика постепенно приобретает общую основу, главными составляющими которой становятся транснациональное производство, глобальная финансовая система, построенная на согласованных правилах система международной торговли, единое информационное пространство.

Главным вектором в развитии мировых производительных сил все более становится их интернационализация, служащая базой для интеграционных процессов, ведущих к формированию мирового хозяйства; глобализации рынков как всеобщей мировой экономической целостности. Основные движущие силы глобализации, делающие ее необходимым и динамичным процессом, – ускорение научно-технического прогресса, расширение деятельности ТНК и международной производственной кооперации, интенсификация обмена наукоемкой продукцией и высокими технологиями.

Важнейший и наиболее важный субъект (и символ) экономической глобализации – вертикально интегрированные структуры ТНК. Согласно общепринятым критериям транснациональными принято считать корпорации, которые имеют свои предприятия в двух и более странах, осуществляют общую для всех своих подразделений политику и контролируют их активы. Бурный рост числа ТНК привел к тому, что в настоящее время в мире насчитывается свыше 60 тыс. таких компаний; число их зарубежных филиалов – почти 600 тыс.; накопленные ими зарубежные инвестиции превысили 4,8 трлн долл., а их глобальные активы составили 17,7 трлн долл. 100 крупнейших компаний управляют капиталом в пределах 1,5 трлн долл. Отдельные из них имеют обороты капиталов, превышающие объемы национальных экономик. На предприятиях ТНК трудятся более 75 млн работников. С учетом же дочерних фирм и подрядных организаций число занятых в ТНК в несколько раз больше⁷⁸.

В свое время ТНК возникли в качестве ответа на объективную потребность мировой экономики в наращивании производственных, организационных и финансовых возможностей

⁷⁸ См.: Из опыта работы профсоюзов мира. М., 2007. С. 70.

предприятий, в расширении экономических границ для более эффективного функционирования производительных сил, значительно активизировавшихся вследствие новых возможностей, открывшихся в результате научно-технической революции. Новые технологии и машины позволили рассредоточить процесс производства изделий по всему миру, переводить предприятия в те страны, где существовали наиболее благоприятные экономические и социальные условия, способствующие максимальному снижению издержек производства при массовом выпуске конечного продукта.

Специфическими чертами современных ТНК являются следующие:

- ТНК – активные участники международного разделения труда, способствующие его развитию;
- ТНК создают международные производственные комплексы, используя при этом глобальные производительные силы и ресурсы;
- движение капиталов ТНК осуществляется независимо от процессов, происходящих в рамках страны базирования;
- основные объекты внимания ТНК – высокотехнологичные и наукоемкие отрасли производства, которые требуют огромных капиталовложений и высококвалифицированного персонала;
- финансово-экономические интересы ТНК присутствуют во всех сферах мировой экономики: в производстве, технологии, услугах. По сферам интересов ТНК распределяются следующим образом: около 60 % – промышленность; 37 % – услуги; 3 % – базовые отрасли, добывающие и сельское хозяйство. В международном кредите господствует 50 ТНБ, в страховых операциях – 30 ведущих компаний, в рекламном деле – 20 ведущих мировых агентств, в воздушных перевозках – 25 международных авиатранспортных компаний.

Таким образом, в начале XXI в. ТНК выступают существенным фактором глобальной экономики, контролируя в совокупности около $\frac{2}{3}$ всего товарооборота в мире и владея 80 % лицензий на новейшие технологии⁷⁹. В настоящее время они в совокупности контролируют 1/3 активов частного сектора мировой промышленности, 40 % мирового промышленного производства, 90 % экспорта промышленно развитых стран, 80 % прямых инвестиций, около половины внешнеторгового оборота, 80 % торговли продуктами высших технологий, 30 % мирового ВВП⁸⁰. 500 наиболее крупных ТНК производят примерно четверть глобального ВВП, на них приходится $\frac{1}{3}$ всего мирового экспорта обрабатывающей промышленности и $\frac{4}{5}$ торговли технологией⁸¹. Среди них 218 являлись американскими, 155 – западноевропейскими, 76 – японскими. Из 100 крупнейших ТНК 35 представляют США, 42 – Европу, 21 – Японию, две – все остальные регионы планеты. Всем вместе им принадлежит $\frac{1}{4}$ мирового объема инвестиций, сами они поглощают $\frac{1}{5}$ их часть. Всего лишь пять крупнейших ТНК осуществляют более половины мирового производства товаров длительного пользования, самолетов, электронного оборудования, автомобилей и другой продукции. Практически две-три ТНК владеют глобальными телекоммуникационными сетями⁸².

В настоящее время концентрация транснационального капитала принимает еще большие масштабы. В частности, это весьма наглядно проявляется в металлургической промышленности. Так, недавно произошло слияние двух ТНК – «Миттал Стел» и «Арселор», возникла новая мегакомпания с капитализацией свыше 60 млрд долл.

⁷⁹ См.: Голоповец М. А. Профсоюзная деятельность в условиях финансово-промышленных объединений, глобализация экономики // 10 лет ГМПР. Будущее профсоюза – за молодежь. М., 2001. С. 61.

⁸⁰ См.: Современные международные отношения. М., 1999. С. 102.

⁸¹ См.: Богомолов О. Т. Моя летопись переходного времени. М., 1999. С. 340.

⁸² См.: Хорос В. Постиндустриальный мир – надежды и опасения (к постановке проблемы) // МЭиМО. 1998. № 12. С. 8.

Аналогичные процессы не обошли стороной и нашу страну. Все чаще участниками международных слияний становятся российские фирмы. В той же металлургической отрасли некоторое время назад в результате сделки между отечественной компанией «РУСАЛ» и швейцарской «Гленкор» возникла гигантская корпорация «Российский алюминий».

В добывающей промышленности таким примером служит объединение усилий «Газпрома» и «Роснефти». Сегодня эти компании ведут активную совместную деятельность по освоению новых наиболее перспективных месторождений России. Речь идет о Штокмановском газоконденсатном и Приразломном нефтегазовом месторождениях на шельфе Баренцева моря, Харампурском нефтегазовом месторождении в Ямало-Ненецком автономном округе, а также ряде месторождений на других территориях. Объединение усилий «Газпрома» и «Роснефти» позволит снизить издержки, упростить обмен технологиями, повысит эффективность управления обеими компаниями. Такое решение, во-первых, оформляет владение контрольным пакетом акций объединенной компании за государством; во-вторых, дает «зеленый свет» либерализации рынка акций газового монополиста.

Стратегическое соглашение между ConocoPhillips и «ЛУКОЙЛом» является завершением приватизации крупнейшей российской нефтекомпании. В результате ряд важнейших проектов перейдет под операционный контроль совместного предприятия, совместной структуры. Количество контактов с руководством крупнейших мировых компаний («Шеврон-Тэксако», «Марафон Ойл», «Би-Эйч-Пи-Билитон», «Тоталь», «Французский институт нефти») увеличивается. Большинство из них проявляют неподдельный интерес к расширению своего присутствия, к расширению инвестиций в российскую нефтегазовую промышленность.

Подобные тенденции характерны и для других отраслей. Так, в печати со ссылкой на материалы Конференции ООН по торговле и развитию 2000 г. приводились данные, согласно которым общая сумма слияний фирм из различных стран и поглощений местных компаний иностранными фирмами достигла 720 млрд долл.⁸³ В настоящее время этот процесс заметно ускорился.

Как уже отмечалось, характерная черта ТНК – их стремление перемещать свои предприятия в те страны, где возможны наименьшие издержки производства. Данное явление получило название «делокализации». По данным МОТ, только в 1990-е гг. прямые иностранные инвестиции выросли со 192 до 400 млрд долл. В значительном размере такие инвестиции идут в Южную и Юго-Восточную Азию, а также в страны Центральной и Восточной Европы, включая СНГ. Например, зарубежные инвестиции в экономику Китая составили в 2004 г. более 60 млрд долл. За один только 1999 г. во Вьетнам было вложено из-за рубежа около 10 млрд долл. Венгрия с 1994 по 2003 г. получила западных инвестиций на 25 млрд долл. Значительные инвестиции ТНК «закачивают» и в экономику стран СНГ⁸⁴. В числе форм воздействия ТНК на мировую финансово-экономическую систему можно назвать следующие:

- транснационализация производства, подчинение национальных экономических интересов интересам ТНК;
- создание устойчивых трансграничных производственных комплексов и технологических ядер;
- либерализация экономической политики: открытие национальных рынков и введение свободного режима для всех видов прямых иностранных инвестиций;
- концентрация и централизация капитала и производства в результате слияний и поглощений.

Характеризуя положительные и негативные последствия деятельности ТНК, следует согласиться с исследователями, которые подчеркивают неоднозначный характер процесса эко-

⁸³ См.: Economist. 13 May 2000. P. 5.

⁸⁴ См.: Из опыта работы профсоюзов мира. С. 24.

номической глобализации. Так, А. Н. Крестьянинов отмечает, что «по мере своего продвижения (как правило, из более развитых стран в менее развитые) ТНК несут с собой новые технологии, занятость, способствуют развитию смежных отраслей, насыщению рынка товарами и т. д. Наряду с этим глобальное предприятие, как илюбое другое, впервые очередь заинтересовано в росте прибылей, а значит, в повышении производительности труда, что, как известно, предполагает сокращение численности работающих. Таким образом, создавая какое-то количество рабочих мест, ТНК в качестве стратегической ставят перед собой совершенно иную задачу – последовательное сокращение числа работающих»⁸⁵.

Переводя свое производство на территории других стран, в первую очередь развивающихся, ТНК содействуют их индустриализации, экономическому развитию, обеспечивают занятость населения, вовлекают эти страны в мировые экономические и торговые отношения, в международное разделение труда, предоставляя им возможность осуществить модернизацию и реструктуризацию национальных экономик. ТНК способствуют концентрации и централизации капитала и производства в результате слияний и поглощений; созданию устойчивых трансграничных производственных комплексов и технологических ядер; сокращению транзакционных издержек, в том числе транспортных и коммуникационных.

Вместе с тем предприятия ТНК в стране пребывания, как правило, слабо интегрированы в национальное производство, «выкачивают» из него наиболее квалифицированную рабочую силу, сырьевые и энергоресурсы, замыкая на себя услуги местного рынка капиталов, далеко не всегда благоприятно влияют на процесс социального развития в странах пребывания. Все это ведет к дальнейшему увеличению неравенства между богатым «Севером» и бедным «Югом», способствуя углублению острых противоречий, которые не без оснований ассоциируются у многих с процессом экономической глобализации.

Стремление удешевить разработку и использование новейшей технологии побуждает крупнейшие ТНК идти на те или иные слияния, что становится все более характерной тенденцией в наукоемких отраслях промышленности. ТНК содействуют индустриализации развивающегося мира, переводя на их территорию ряд производств, в первую очередь так называемых «грязных», и невысокой или средней технологической сложности. Но и в этом случае роль ТНК не столь однозначна, как это кажется на первый взгляд или как бы это хотели представить сами корпорации. Слабо связанные с национальным производством, отвлекая от него наиболее квалифицированную часть рабочей силы, дефицитное сырье, замыкая на себя услуги местного рынка капиталов, ТНК оказывают неоднозначное влияние на воспроизводственные процессы в развивающихся странах: с одной стороны, они втягивают эти страны в мировые экономические отношения, предоставляя им шанс осуществить ту или иную стратегию модернизации; с другой стороны, перекачав через ТНК ресурсы из стран «третьего мира» и обеспечив себе условия для нового экономического рывка, развитые страны предусмотрительно отгораживаются от волн неблагополучия, которые возникают в этой связи в развивающихся странах, способствуя тем самым возникновению острых противоречий между глобализацией, тараном которых они по существу являются, и насущными потребностями национальных экономик отдельных государств.

Анализируя деятельность ТНК на международной арене, нельзя также не отметить, что они в своей совокупности осуществляют сегодня более мощное воздействие на процессы экономической глобализации, нежели иные государства, в свое время способствовавшие образованию таких корпораций.

ТНК оказывают все возрастающее влияние и на международную политику, стремясь обеспечить себе наиболее выгодные условия экономической деятельности. Это влияние весьма существенно и в вопросах внутренней экономической политики государств – у ТНК имеются

⁸⁵ Крестьянинов А. Н. Социальная напряженность: роль профсоюзов в ее регулировании. М., 2003. С. 234.

не только громадные финансовые ресурсы для лоббирования собственных интересов на государственном уровне, но и соответствующий интеллектуальный, кадровый потенциал.

Как уже отмечалось, сегодня ведущим трендом экономической глобализации становится процесс концентрации, консолидации капиталов ТНК за счет слияний и поглощений. В ближайшей и среднесрочной перспективе, как представляется, указанная тенденция сохранится, что приведет к дальнейшей монополизации ряда секторов глобального рынка (по данным Международного института трудовых исследований, сегодня 75 % мировой торговли приходится на внутрифирменные операции в рамках ТНК. Их прямые зарубежные инвестиции составляют 2,5 трлн долл. – это примерно 90 % всего мирового объема таких инвестиций)⁸⁶.

Многие исследователи отмечают постепенную утрату контроля государств за деятельностью ТНК, которые пока еще продолжают играть по правилам, очерченным национальным законодательством, однако не факт, что так будет продолжаться вечно. Попытки создания каких-либо действенных международных механизмов контроля за ТНК особого успеха не приносят. Тем не менее еще в 1973 г. ООН одобрила так называемый Кодекс поведения для мультинациональных компаний. Он носит достаточно общий характер, но призван ввести деятельность таких структур в правовые рамки. Одновременно была создана Комиссия ООН по мультинациональным компаниям, которая провела определенную исследовательскую работу и затем была передана в ведение ЮНКТАД – Конференции ООН по торговле и развитию. Следует также упомянуть Глобальный пакт ООН, принятый по предложению Генерального секретаря этой организации Кофи Аннана и содержащий девять принципов, касающихся прав человека, трудовых стандартов и охраны окружающей среды, соблюдать которые должны все присоединившиеся к этому документу ТНК.

Определенные усилия в данном направлении прилагает и МОТ. Еще в 1977 г. она одобрила Трехстороннюю декларацию принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики, а в 2000 г. опубликовала Толкование указанного документа. Аналогичные документы были приняты также ОЭСР⁸⁷.

В последние годы большую активность в сотрудничестве с ТНК проявляют глобальные профсоюзные федерации, заключающие с ТНК рамочные соглашения, где содержатся ссылки на международные правовые нормы и конвенции МОТ, что также способствует соблюдению ТНК определенных правил поведения и норм международного права.

Тем не менее, несмотря на незначительность сдерживающего влияния на ТНК указанных выше ограничителей, они все же, с точки зрения самих корпораций, сковывают их деловую активность и отрицательно сказываются на прибыли. Поэтому наблюдаются многочисленные случаи несоблюдения достигнутых договоренностей. В будущем же, когда недовольство корпораций достигнет «критической массы», по мнению некоторых аналитиков, возможно создание некоего мирового альянса ТНК, который сможет успешно конкурировать с национальными государствами и существующими международными организациями в сфере как экономики, так и политики.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что у ТНК или их альянсов, в силу соизмеримости последних с возможностями государств, может возникнуть стремление изменить в свою пользу расстановку сил на международной арене. Сегодня ни для кого не секрет, что государства часто развязывают военные операции под воздействием крупных компаний, стремясь обеспечить их интересы в различных районах мира. Вполне возможно, что в будущем ТНК не придется прибегать к услугам государства в использовании военной силы. И это не выглядит фантастичным, ибо многие ТНК разрабатывают и производят наиболее передовые

⁸⁶ См.: Из опыта работы профсоюзов мира. С. 70.

⁸⁷ См.: Из опыта работы профсоюзов мира. С. 74–75.

системы вооружений, обладают громадными финансовыми и интеллектуальными ресурсами, самыми современными технологиями, в том числе и двойного назначения.

Безусловно, мировые ТНК – носители технического прогресса, наиболее совершенные на сегодняшний день организации производства, их продукция, как правило, конкурентоспособна на мировом рынке. Однако основными результатами деятельности ТНК, как и результатами экономической глобализации в целом, пока напрямую может воспользоваться лишь незначительная часть населения планеты, главным образом проживающая в тех государствах, которые вступили на путь постиндустриального развития. Оно, по мнению Д. Белла, характеризуется следующими признаками: переход от производства товаров к экономике услуг; выход на передовые позиции особой профессиональной группы – класса технических специалистов; доминирование теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики; особая роль технологии и технологических оценок и так далее...⁸⁸

Трансформация системы экономических отношений под воздействием глобализации закрепила иерархию государств по их месту в системе функциональных связей техносферы с внешним миром, изменила места государств в структуре организационно-экономических отношений, содействовала встраиванию национальных экономик в новую для них систему глобальных связей и взаимозависимостей, а также способствовала размыванию традиционного суверенитета государств. Мировая экономика в этой связи, как было показано выше, может быть представлена в виде четырех ярусов:

- верхний ярус – предприятия, где производятся наукоемкие и высокотехнологические изделия. В 1990-х гг. они повысили свой удельный вес в общем объеме мирового экспорта до 19,7 %, обогнав не только соответствующую долю сельскохозяйственной продукции, но и доли продуктов добывающих отраслей промышленности. Именно здесь главными игроками выступали и выступают ТНК постиндустриальных стран, и именно это преимущественное поле их внешнеэкономической активности;

- второй – это совокупность производств, выпускающих среднетехнологичные, капиталоемкие товары;

- третий ярус – продукция, не требующая наукоемких производств (продукция тяжелой металлургии и легкой промышленности);

- четвертый, самый нижний ярус – предприятия, специализирующиеся на добыче природных ресурсов, их переработке и обработке, сельскохозяйственном производстве, лесном хозяйстве и рыболовстве.

Каждый из этих ярусов глобальной экономики формирует свой мировой рынок, конкуренция на котором обладает собственной спецификой по сравнению с другими подобными рынками. На самом верхнем из них решающее значение имеют качественные параметры товаров, инновации в технологии их производства, в дизайне, в обслуживании после приобретения и т. п. Возможности инвестиционной экспансии в этой сфере почти неограниченны. Иначе выглядит конкуренция на рынке, образуемом товарами нижнего яруса. Природные свойства продукции сельского хозяйства и добывающих отраслей промышленности одинаковы во всем мире. Качественные различия здесь варьируются в узком диапазоне. Поэтому основным оружием в борьбе за покупателей является ценовая конкуренция. А цены таких товаров во многом определяются условиями залегания минеральных ресурсов, плодородием почв, условиями транспортировки и т. д. Основной способ расширения сбыта на мировом рынке на этом ярусе – экстенсивное развитие производства и снижение его издержек, что имеет достаточно ограниченные пределы, так как исчерпание лучших месторождений заставляет переходить к освоению худших или более труднодоступных, в то время как оплата труда имеет тенденцию к возрастанию, что в еще большей мере подтачивает конкурентоспособность такого рода товаров. К

⁸⁸ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 18.

примеру, в России за годы реформ производство электроэнергии сократилось на 25 %, а численность промышленного персонала увеличилась в 1,5 раза; объем нефтедобычи, по данным на 2000 г., составлял 60 % от уровня 1990 г., а численность промышленного персонала выросла в 1,9 раза⁸⁹. Все это объясняет, почему страны аграрно-сырьевого профиля или находящиеся на ранних стадиях индустриализации оказываются в наименее благоприятном отношении и почему все большая часть ТНК концентрирует свои усилия на освоении глобальных рынков высокотехнологических товаров, уменьшая свое присутствие на нижних ярусах производства и торговли.

Необходимо отметить, что сегодня на всех четырех ярусах мировой экономической пирамиды можно наблюдать некоторые общие черты, свидетельствующие о складывании постиндустриального способа производства, а именно:

1) возрастающая часть производительного потенциала национальных экономик ориентируется на международный обмен, а не на удовлетворение внутригосударственных потребностей. Это объективно ведет к становлению и развитию глобальной экономики, усиливает конкуренцию, динамизирует функционирование и повышает ее эффективность;

2) информационные технологии все больше превращаются в непосредственную производительную силу. К примеру, в США $\frac{3}{4}$ добавленной стоимости производилось при помощи информационных технологий; в странах Европейского союза и в Японии доля капиталовложений в информационные технологии составляла в конце 1990-х гг. 2,8–3 % от ВВП этих стран⁹⁰;

3) начиная с 1980-х гг., с одной стороны, ведутся поиски новых видов энергетических ресурсов и путей замены использования традиционных видов энергии (нефть, газ) и, с другой стороны, «нелимитированных ресурсов» – ядерное топливо, энергия ветра, солнца, а также энергия, получаемая из природных источников (масла из продукции сельского хозяйства). В результате доля производства электроэнергии на АЭС возрастет с 16 % в 2000 г. до 23 % в 2020 г. Сегодня в мире построено более 30 солнечных электростанций, суммарная мощность которых превышает 380 МВт. В использовании энергии ветра лидируют США – свыше 1500 МВт из 1700 МВт установленной мировой мощности. Китай обладает 7 млн биоэнергетических установок с программой увеличения их до 30 млн, которые будут перерабатывать до 1 млрд т отходов и производить до 500 млрд куб. м биогаза в год.

Увеличение удельного веса нетрадиционных источников энергии (солнечной, геотермальной, ветровой) связано с ужесточением политики, направленной на повышение энергоэффективности, ограничение выбросов вредных газов в атмосферу, как это предусмотрено Киотским протоколом. В результате возобновляемые источники энергии становятся все более привлекательными, вытесняя топливно-энергетические ресурсы органического происхождения.

Не меньшими возможностями в области развития нетрадиционных источников энергии обладает Россия. Только использование энергии разведанных запасов термальных вод, оцениваемых в 21 млн куб. м в сутки, может заменить около 30 млрд т нефти. Благоприятны перспективы использования солнечной энергии в южных районах страны, силы ветра – на арктическом побережье, геотермальной энергии – на Камчатке.

Однако, как показывает практика, спрос на традиционные виды топлива сегодня в мире еще весьма высок. За последнюю четверть века структура энергопотребления на мировом и национальном уровнях претерпела существенные изменения, но первичные энергоносители по-прежнему имеют преобладающее значение. На их долю в начале 2000 г. в общем объеме мирового потребления энергоресурсов приходилось: на нефть – 38–40 %, уголь – почти 22–27,

⁸⁹ См.: Рыночное хозяйствование и риски. СПб., 2000. С. 54–55.

⁹⁰ См.: Антипина О., Иноземцев В. Дialeктика стоимости в постиндустриальном обществе // МЭиМО. 1998. № 3. С. 50; Мельяцев В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭиМО. 2001. № 2. С. 4.

природный газ – 23 %. Несмотря на значительный рост производства энергии за счет использования, например, ядерных источников, их доля в мировом энергобалансе остается пока на уровне 6 %. По прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), к 2015 г. общее мировое потребление всех видов энергоресурсов возрастет примерно в 1,3–1,4 раза и составит около 17 млрд т. Доминирующее положение в структуре потребления топливно-энергетических ресурсов до 2020 г. сохранится за энергоносителями органического происхождения. Их доля в мировом энергопотреблении практически останется на уровне 85 %⁹¹

⁹¹ См.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999. С. 408.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.